

Марк Мартынов

ВСТРЕЧИ С АРТЕМИДОМ

Роскошный авто красного цвета остановился. Перед особняком с фасадом, расчлененным горизонтальными, по этажам, карнизами, вертикальными, связывающими оба этажа, пилястрами; иногда края замкнуты выступавшими на фасадную сторону ризалитами, или же линия эта прерывается стелактитовыми нишами балконов; перед особняком цветочный узор: кипарисы, обвитые гирляндами роз, широко раскидывающие крону деревья с плодами запретного вкуса; вырастающие из ваз букеты; среди ветвей и цветов птицы; по бокам и внизу, в геральдической зеркальной композиции — львы, газели, павлины; встречается и фигурная живопись: в нишах женщины в инских тюрках, с цветком в руке, на потолке — гурии в красных жароверах, с ниткой жемчуга в волосах, фризы со сценами войны и охоты; есть также и несколько мозаичных портретов Артемиды; перед особняком, — я не забыл, — остановился авто. Над газонами порхали в изобилии бабочки, что было вовсе не удивительно, ибо поливало в полном разгаре лето, уже сложившее легкий загар на лице молодого человека в белом костюме. Он ловко выскочил из спортивного авто и с сак-возком в одной руке /также сак-возки, несомненно, любезная читательница выпала, путешествуя по Вгу или пребывая на Водах/, а в другой, — мы все еще говорим о молодом человеке, — с букетом вишнево-розовых роз, не менее роскошных, чем в день и авто, стоявшие на дворе, вошел в самое особняк, высказав в нескольких словах, сделанных по молодому гравю, выисканность манер и блестящую образованность, приобретенную, естественно, в лучших университетах. Дверь не скрипнула. Я подошел к двери, разорвал выжидательное и начал рассказ снова.

Все восторженно наблюдал в прозрачном озере собственное отражение. Мне захотелось глубоко вздохнуть и запеть, и я запел нечто родное и близкое, чуть путая слова. Я шел по таинственным лесам, любуюсь то незаметными цветами, то

скромной кочкой; прислушивался к струению смол, обняв еловое тело. Вечером руками наловил форели и под гитару пел о маленьких странах, об отважном капитане и о верных глазах. Обило веселого и яркого костра насчитался жирной и ароматной ухой; затем, свинячье рыло на всех наисвинячящих, захрюкав, вспомнил о легкой писателе, об умном читателе и быстренько набросал план.

План сочинения.

1. Вступление.

2. Основная часть.

3. Заключение.

Во вступлении мне приказали описать свое детство, отрочество и юношескую любовь. Первые годы на заводе, любовь к труду и трудовую любовь к фабрике, ошибки первой, второй и последней молодости, любви, второй любви, третьей ненависти, нуля в висок, кто дальше хоть слово, е---т твое золото в собачьих и--- сопливой мякхи у покзала первой в мире чугулки. В основной части описать бы выпускной бал, белые ночи, белую кожу девушки в виде закладки в книге Тургенева "Ася". Опишу драку с учительницей рисования, коктус в забое, первый трико-монос, убийство сердца умом в вагоне подземки, зимней ночью после прогулки по Дворцовой площади с томиком, блоком сигар и соплий под носом небелой красн смазливой хотушки с рыбой спанной и сетней карбованцев в чумке пощеч навзриц и со мисов: пусть она крива, горбата, но червоицами богата, вот за это я ее люблю, да, да! И еще приказано описать свои студенческие годяшки, службу в армии, пощку диверсанта на границе, встречу с комом, работу, парашу, общагу, спирт, деминно и в конце женитьбу на крошечной сиське с богатыми пананей. В заключении я уже описал все ошибки и клялся, что буду мировым передовником и парнем. Во втором и последующих заключениях опишу невозможные страдания непонятого человека, одинокого путника в мире суети и предательства. Хотелось бы отметить созидательный труд, мои праздники после трудовой вахты и моих товарищей, т.е. comrades по сверляльному цеху и описать еще также, как я в конце созревания занимел-таки домик с хрыковинком, книськой, личным колодецем, сидя в котором на хребтине собственного kota вышивал проволо-

кой мудрую и смешную поговорку: не плавь в колодезь, пригодится еще утопиться. Уха готова, каша, умная тетя, пощаживайся, порубаем ушицы, затем споем "Из-за острога на стрежень", а там и спать.

Как и все гоним, и лачку повезть с автобиографией. Незванно, где я родился. Где сказал начальник, там и вылез. Как и все подонки, кричал, плакал, этому научился до рождения. Если доведется еще вылезать из светлицы, от счастья умру на пороге. Район Питера, где я родился и рос, населяли некогда извозчики, грузчики, мастеровые. Безысходность и мрак прошлого не только сохранились, но приобрели вид классический, форму законченную. В косых огромных заборах, в складах, заколоченных век назад, будках, ларьках, магазинчиках, мостовых, — недалеко от меня являл невесть откула взявшийся остов самолета, — в модных банях, горюхах сараев, район этот, огороженный рекой Волочкой, коксовым заводом, болотом и кладбищем, являл собой перл градостроительства. Ко всему находились здесь две больницы "М" и "Э" с вечно закрытыми дверями, мясной музей, скотобойня, полсотни булок "Пиво-води", где бойке жма торговая скобянина и козкательные товары вилуе /вот уж, фантастика/ с товарами для новобрачных... Список примечательностей хотелось бы продолжить: лавочки мусорщиков, оттуда пахло мокрой бумагой и необглоданными костями, глистогонный офис, клеевое училище, протезная академия, эпидемстанция и 178 труб, харташних сажей редчайшей стойкости, обьяне общезитий. Нередко в день знаменательностей дружные отряды после II станков /подсчитано/ водки на дуно вылетали из общаг на престоур. На нем же имела честь быть заграничная игра волей-бала. Болельщики продолжали лакать зелье на гудах рельсе и холмах мела.

Первый тайм оканчивался дракой. Как только начиналась буча, несущий человек с тихим голосом звонил в учреждение тихое и видом неброское, имеющее под своим крылом орлов, которые в свободное от стрельбы время крутятся на кольцах, лонарт шеп толстой тяжелой кукле и излучают увлекательнейшую историю... Пока энтузиасты кровавой потасовки палками с гвоздями, трубами, кирничками, а то и стамесками успевали разрядить свои ряды, малыши с милыми ребятами в португезях прибывали на воз неизвестного и... кого-то увозили на цин-

ковий стол, а кого-то под северное сияние шить кольсоны и разводить тоску. По вечерам из сада из-за мокрых простыней несся красивый баритон под гармонию: Ям с родняменской смелой в рощице березовой... Белые к ночи сирело больше, а голос, столь неуместно приятный, выскочил. Сназывались и "Спотыкам", и предчувствие рабочей смены. Затем раздавалось несколько криков со стороны владбшца, прогрямил выстрел, свистки, и повиснет над этим жилищем-нажилищем, фабрикой-нефабрикой опьяняющая звездочка ракеты. Осветит на миг пыльный факус, окурки в кальяках, став крик под иконой, закатывшиеся глаза ткачихи и сильную руку с наколкой, сжимающую челюсти колодухи.

Отца моего забрали ночью. Он прервал свои мечтания о сыне инженере и стал дильщиком. Не знаешь - научим, не хочешь - заставим. Он где-то что-то строил, перестраивал, копал, закапывал, напевая: Вы здесь из ... разжигали пламя, спасибо вам, я греюсь у костра. Через пятнадцать лет к нам пришла официальная тетья с ридиквелем и принесла официальные извещения: папу грохнухи не ошибке.

Над проспектами и каналами закружили самолеты. "Сказу, читаю без лампады..." Где-то бомбили, кого-то засыпала, что-то стреляло, куда-то маршировали. Напрасно старуха злет парня домой, ей скажут, она не услышит. Серьезное то было время. Комуары с нем недолго кормят сегодняшних литераторов. Меня учили фрезерному делу в ремеслухе. Учили основательно, обещали богатые деньги и вкусную жизнь. Я часто болел, то дизентерия, то мистрофия, то туберкулез, твою мать. Мне было скучно жить. Грязь сменялась пылью, а пыль болезнью. Иногда бегали смотреть, как керутел на ножах или плянут под баян вокруг дивного ларька. Делали самоналы, заряжали их рублеными гвоздями. Я на дуэли одному подонку ухо отстрелял. Он за это, суцье вина, дльчницу мне ящиком расх...л. Старшие ребята пускали слоны над трофейными порно-отвертками в затхлом бомбеубежище. П...ли от тоски маженьких сынков. Тот, кто половчее, в 12 лет неизвестным способом стал мужчиной и носил в кармане гандоны, амловлеиниц в Обводном канале. Родители мои были самое заурядность. Мать до сих пор на научий манер убивает досуг вязаньем; папуля скрывается от меня на том свете. Меня зачали на ипподроме, - как сказала гадалка, - за минуту до того, как гнедой "Колое" /старошвы

помнят/ принес, - добавлял мух гадалки, - венгры моему па-
пеньке, о котором было выше сказано, что его в тяжкое время
грохнули, в этой теме вернется мой сын, если я его через
минуту не зачну - моя любовница прыхнет, я прошел на кухню,
выпил десяток флаконов валерьянки, запылил /котина в вине,
а не в водке/ и вернулся к теме своего детства.

меня зачали днем в дождь прямо на скамейке, на раз ви-
дел я эту сцену и сам бывал на ней. Последнюю и первую ра-
дость ощутил, когда научился завязывать шнурки не на один,
а на три бантика, что и было отпраздновано под столом /там
мое ранчо/ куском старых обоев со сладким клеем. Клянусь
всем, если такоее есть, больше никогда не был так счастлив.
Из меня, быть может, получился бы преподаватель завязывания,
лет через тридцать, смотряшь - высшая школа повяза, инсер-
танство, почтенное окирание... подкова за день сгибается
две тысячи раз... мысль?... больше... о чем это я? о детст-
ве! Значит, родился. Что я, обратно не затолкнешь, урожай
получился второсортный. В два года я выкидывал из окна кукол,
правилась игра в нераскрывшийся парашют. Однажды, налив по-
пы в бутылку, вручил матери: Мой друг, это запас на случай
войны. Дальновидностью отличался с пеленок. Старшая сестра
умерла до меня, ее похоронили волами барака, из него выгнать
нужа полюбозаться незабудками, они укрепили холмик над сест-
рой. В нее ситый копр загнали бетонную сваю. Здесь будет со-
временем дом, и там будет современный дом, везде будет дом.
стоять и быть, жить и смеяться в ... доме всегда, определе-
ние спускаю. Или здесь построят гараж? Остроумно! В детском
лагере обожали игру в профессии. За форте-пиано садилась
воспитательница, баба-дедь, дилса башка; она наигривала
марш, а мы ходили по кругу строевым шагом с отмажкой рук, с
оттяжкой носочка, с пристяжкой сошкой-вошкой ссаной радости
красочных оборотов. Музыка внезапно обривалась. Мы замира-
ли в разных позах, изобривающих кто-что: кухарку, охотника
в засаде, продавщицу, пограничника в засаде, врача, прослу-
шивающего грудную клетку и /О! детство! / находящего что-то
в клетке, грузчика и даже ворюгу. Я же часто застывал в по-
зе не то футболиста, не то борца за гуманизм. Воспитательни-
ца ходила между живыми скульптурами и навоевала последние
штрихи. Мои поза выживала в ней кожу и пот, она выламывала

незримые конечности и превращала меня в счетовода. Если ува-
жаемая читательница позволит /пусть только не позволит!/
продолжить рассказ, я продолжу его в том же детском лагере;
рассадив на ковриках, читали нам сказку про волка и ланоч-
ку. Я знал, что это очередная нае...ка и размышляя не над
тем, откуда берутся волки, а откуда приходят мудрые ланочки.
Мой лобик, в меру узкий, бледный лобик крестина в сволоченьки,
лобик, закрывающий мозг, неспособный до сих пор понять, как
работает радио, мой лобик морщился от усилий понять — поче-
му я сижу здесь, среди ненавистных ровесников, еще больших
дебиллов, чем я, а не бегав по траве-мураве. Сотоварищи по
причмокиванию над похлебкой, испытывая первый оргазм от не-
замысловатой фабулы, сидели, отнесши чужести. Вдруг за ок-
ном над любимейшим городом подняли гудки заводов и парово-
зов. Мне исключительно дороги все штатны, в том числе "по-
плыли /брасом/ гудки..." В тот день над утренней росой в
каком-то небесном майонезе /апрельонезе/ скончался коричный.
Скосив глаз на портрет, всенитательница подняла нос и, после
минуты анабоза, в трех словах поведала о его мануритель-
ном детстве, трудовой ниве, о страшных мучениях, их она вы-
водила особенно. И в то время, как вся материя справляла
траур по усопшему, а боги выжимали слезы из пиджаков, в то
самое время я рассмеялся. Так родился пересмешик. Тотчас
меня отвели в колытеньки, а там кузькина мать показала, как
викут враги. Их мясо автор обожал до самой смерти, но...
архитекторов не любил. Дело в том, что меня и...ди по поч-
кам /с ними я раздмалась не без помощи ликеро-водочного за-
вода/ деталь от игры "Иный архитектор", стропильной кривы
будущего. Да-с, непротквенке злом...

Свой первый рассказ я сострянал на втором году дивидан-
ции безграмотности. В нем описывалось абзращение блудного
сына. Оригинальная тема. После долгих скитаний сын, хромой
и босой, стучится в обмарпанную дверь. Мать /как раз!/ при
смерти. Он на коленях /на своих/ перед ее кроватью. Мать ле-
жит на столе. Тепло. Состояние безнадежное. Крики; я вино-
ват, я сука. Мать лежит. Совсем тепло. Крики сильней, они
поднимают больную, но оказывается, что это не его мать /а,
какой я изобретательный!/; она от испуга падает лицом на рас-
каленную, с остатками чьих-то яиц сковородку. Жарко. Полная

близость. Сны чужой матери сменяют. Он спасает, себя он не любит. Он любит уже весь мир, его везут на лесозаготовки, где он становится, так сказать, правильным парнем. Спустился я с восторгом читать, выдавая теперь за народную, этот рассказ. Слушатели катятся по полу. Второй и третийopus написал на тему не менее исключительные. Брошюги, энциклопедии, календи; вообще таинный мир занимал тогда значительную часть в творчестве. Затем погружался в другую тему — отвергнутая любовь. Но и здесь не заслужил даже банного веника, куда там до лавров. С технологией воркования не был знаком, на уроках анатомии надел от стыда в обморок /потом писал поносы на учителя/, а первая и единственная "связь" случилась лишь в 60 лет, что делать, только в этому возрасту появлялись перчаточные половые признаки.

Молодой человек с блестящим образованием вышел из роскошного особняка и быстро укатил на автомобиле. Прослушав в следственном изоляторе раз двадцать оперу "Хованщина", я был освобожден. За то время, пока я наслаждался классикой, в городе произошли большие изменения. Ходил только один автобус. Он повез меня по улице Ульяев, по улице Нового Рождения, Перевоспитания, Признания, Чистосердечия, Возмездия, Вразумления; на проспекте Начальника я вышел и... был остановлен женщиной. Она спросила дорогу по площади Откровенности. Внимательно выслушав объяснение, возразила: Я только что прошел этот путь и не нашел никакой площади.. Наверное я ослышался, но когда меня снова остановили, на этот раз молодой человек, и разговорив, сохраняя окончание женского рода, я возмущился, а возмущившисьсел в автобус и поехал к морю. Все в тот же автобус вошла женщина. Длинные перчатки. Глаза под темными очками. Несмотря на то, что много мест было свободных, она остановилась около меня. Автобус, не снижая скорости, сделал поворот. Женщина не удержалась и упала на меня, локтем сломав дужку моих очков. Я выругался и зло заметил, что следовало бы крепче держаться. Она вдруг зашипела губами и носом, затем склонилась и прошептала: чем, сволочь, чем мне держаться? Ярость была непонятной. Она вымахнула руками и ударила о поручень. Что-то белое посыпалось из лопнувших перчаток. А женщина все была и была поручень руками. Перчатки вовсе лопнули, а мой костюм вернулся осколками гниса.

Она уничтожила свои искусственные руки; теперь вместо них свисали грязные лохмотья перчаток! Я усадил ее. С головы ее сполз перик, и я увидел обритый, весь в кровоподтеках, череп. Автобус остановился. Я вынес рыдающую женщину на пустырь и положил среди хляпой поляны. Когда она заснула, вынул из ее сумочки удостоверенные личности. Без удивления обнаружил, что обладатель/ница/ всего документа — мужчина, чрезвычайно похожий на сыную. В ожидании, пока это проснется, сидел и курил. Не было ни пачки, ни стрижки. Я сразу заметил — город пуст, пусты дома и дороги. Лишь изредка появлялись существа, мягко говоря, не того пола, и все они спрашивали у меня дорогу. Что провасило в городе за дни моего знакомства с оперой "Хованщина"? Куда делись жители? Отчего в городе тихо, неубрано, где машины, где зори рекламы, где визги трамвая? Возвраще заведывалось. Я склонился. На меня смотрели.

А то время я снимал комнату недалеко от городской свалки. Здесь было и чисто и тихо. Окна /описание вида из окна — неизменный атрибут повествования/ выходили в заросли крапивы. Это существо любил и любил весьма очень. Толстые крики крапивы, спутанные вековой паутиной, по ночам скрежетали, раскачиваясь и звучно стучая. По утрам я высовывал из окна ступни от сырости ноги в этот колючий бор и обжигал их целебным злом. Я давно уже ничего не пил, не строгал. Все книги продал за тридцать серебряников. На скорбную зарплату-сборщка снега отодаривался пресенным сидром. Последняя банка этого вкусного дурья лежала вчера. С близких пор я решил заботиться о здоровье. Затем следует удар по голове, конец первой части не помню.

В сопровождении стрелной фигуры шел по длинному коридору. Мягкий свет и блестящий. Шел, стараясь попасть в ногу спутника. Не легко. Заметная игра в такт гнала остатки мыслей, тяжелых — не совсем точно; для стилистической аккуратности времени нет. Кастичный марш — бросок, коридор. Улица, в эту дверь мы входили. Лифт, снова лифт, так не пьют, пять порций лифта с подовой, плиз. Пока шли, выросли усы. Поди-нались с пересадкой. Множество дверей. На ходу открыл одну, а там кирпичная стена. — Не волнуйтесь, вы в безопасности, — сказал спутник, — скоро придем. Через два марша, обогнав, сильный спутник открыл дверь. Вошли в спортивный зал. Было

своего. Покачивались кольца; мимо пролетела граната и не взорвалась — спортивная. У шведской стенки на скамье свое. Тихая ~~привычная~~ беседа. Увидев меня, один из тренеров исчез. Другой двинулся, закурил хмуро, приблизился. Приблизжись, обдал фантасматической улыбкой: Вот, Паша, и свиделись. — Сколько же лет прошло? — Но мы еще не знакомы. — Я полагал, так принято. — Подробности этикета после. — С готовностью. — Дело вот в чем. К Великому Празднику мы наметили издать книгу. Она должна быть и умной и веселой. Вам известно, что за время Великих Перемен все библиотеки сгорели. — Он помолчал. — Да и писатели куда — то уехали. В нашей картотеке лишь вы числитесь графоманом, но я — то знаю, что это конспирация. И поскольку, — он еще взял гранату, метнул в угол, — все писатели, — граната ударилась в угол, — есть настоящие графоманы, — граната взорвалась, осколков не было, — то мы их, — он взял вторую гранату. — И честный человек а не хочу лезть в грязные делишки, — сказал я. — Какой у вас пол? — Деревянный. — Подравненная ошибка. Итак, приказываю, к Празднику принесешь сюда рукопись рассказа или романа, все равно. Что-нибудь из прошлого, сценки быта, помещные пейзажи, побольше экстаза. И чтоб книга была написана без тормозов, с матом, с откровенным... мы отблагодарим... Итак, я надеюсь. — Так точно, — кто-то ответил за моей спиной. — Лунки, вынниси человеку на творческие расходы и оформи на службу в Бюро.

Я закрыл глаза и очнулся дома. Лег на диван, стал долго рассматривать потолок, оклеенный газетами. Утром меня отвезли на новую службу. В мои обязанности входило задавать вопросы клиентам и размышлять с ними о сказанном, об ответственности за сказанное и недосказанное, ловить на слове, давать и отнимать слово... Нет, все было не так. Честно говоря, я сам не понимал, что входило в мои обязанности и какова цель этих загадочных бесед. Я разговаривал с ними о погоде, о работе, о жизни... Самые невинные /а премудрая читательница знает, что это не так/ вопросы задавались и мне. По инструкции я радовался, что общее дело идет довольно успешно. Сегодня беседовал с пожилой женщиной, у которой вокруг меня был огромный вран.

— Назовите цену, в противном случае всплывет история с подвесками! — Это надо уточнить. — Кто ваш врач? — Придет время — узнаете. — Но случай с письмом? — Да, это случилось

в кабинете. - Вот вы и попались. - Детали вам неизвестны. - Не делайте глупостей. - Я ехала на другом поезде и не знаю причин катастрофы. - Еще пять минут на раздумье. - Поищите хрипительницу метафор. - У нас меняя величия. - В лесу не была с тех пор... - Как это случилось? - Медицина бессильна.

Женщина ушла на диван и засмеялась. Я прервал беседу, но инструкция саустилась в служебный бассейн. Во время полета с вышки размышляя: Почему сеть вопросов, их постановка бессмысленны и похожи на бред? И почему при всей важности вопроса должны быть угрожающими?

Официально учреждение наше называлось просто "Бюро". В нем были и машинистка, и кочегар, и повар, и гипсовый слон перед входом в бассейн, из которого, я, кстати, не вышел. Бюро издавало загадочные брошюры: "Методические указания", "Сравнительные характеристики", "Фундаментальные наброски", "Лекции по специализации" и т.д. Я не пытался разобраться, что представляют из себя эти указания - это "не рекомендовалось" и, как говорил мой шеф: В жизни столько непонятного, что нет надобности достигать очевидное... Но непонятность сама по себе, а меня она все-таки тревожила. И я все чаще думал о своей работе, о том, что за люди мои коллеги, и что за всем этим стоит Кто-то. Кто, я не знал.

При оформлении мне рассказали все о моей жизни, показали фотографии и кинофильмы, связанные со мной, огласили личные эмпирические толки. Я оказалась очень даже порядочным человеком; меня заверили - данные в надежных руках. Степень осведомленности была так высока, что я захотел погумать... но мне сказали: Вы заблуждаетесь, не беспокойтесь...

Историю эту можно назвать и дурацкой и пустой. Согласен. Но отчего каждое утро из моего лба торчит стрела? И выдирает ее, рана захлывает, но на следующее утро снова неизвестный охотник пускает в мой лоб острую стрелу.

Пришел день после немного утомительной недели на производстве коробов для разных тортов, бисквит которых не напоми-
нает детство, подсмотренное через скважину, - за ней /наги -
уже слышится/ чужая жизнь, вырывающая легкие колеблющие степ-
ных трав, растущих вдали от явлений нежных и скучных, трук-
новыявляемых самих по себе и со временем: понедельник, суббо-
та, вторник - несетел семерка дней по полям, по-над берегом

иоря, степь верной, и заводан, и лонам-небосверлам, зажав-
ших в груди часть детей, илущих от бега символов по страни-
цам и главам сказку сказок, миф, легенду, приказ, означавший
бог знает что, или нечто, способное все объяснить лишь себе
на производстве картонных коробок, необходимых, как сказано,
для упаковки тортов, растаявших, съеденных за то время, по-
ка писалось приглашение к рассказу, мифу, новелле или притче
о пустынничьей личности, запустевшей от пустыньских по-
туг и дожур. Я проснулся. Проверю оглядел крысоловка. Улов
небогат. Две крысены и пара гадающей. Крысат напоил садром,
выпустил. С кряхтеньем и матом вернулись они в мар яви. Пона-
верилась кофе, поместил парочку тварей в стеклянный ящик и
стал ждать, кофе сварилась быстро, сел с чашечкой, приклебы-
вая и чавкая, насвистывая любовался сцепившимися. Схватка
была недолгой. Крыс с длинными клыками победили, и пока я доже-
вивал дольку дыни, он дожевал лобине доли товарища. Успев
чиркнуть в книгу мудрых мыслей афоризм о силе искусства, я
снял со стола, выпустил чемпиона, кинул на себя плащ и пое-
хал на лесозаготовку. Грибов уродилось много я собрал; по-
тешило на небе и в глазах. На работу вышел сильный дождь;
быстро, еле различая ели, собрал грибы. Дождь. Ужрился. По-
токи целые лавины воды обламывали ветви и превратили лес в
чашекоп. Над ним пронеслись с грохотом огромные стеклянные
птицы. Сначала испугался, но, перестав проклясть, прыгнул на
присевшую в мутном потоке груду ветвей и понесся сквозь.
Голый лес. Вода стремительно поднималась. Ветки плот мчался
к станции. Приближались телеграфные нити. Прорвавшись сквозь
болтовню, куча дерева и плоти ланинулась дальше. Только про-
свечили развилку, как следы излучины вырвались шпал столбы
пара и дыма. Раздался взрыв, из грязи вылетели куски парово-
за и... женская голова. Я закричал от восторга, заиря гла-
за. Голова плюхнулась в корзину я, щелкая зубами, прокрича-
ла: Когда же кончится дождь! Я лишь сидел от удивления и по-
кал языком. Голова сморчалась: дай что-нибудь похвать. Я
угостил ее колбасой. Прожевав и оставив прожеванное на дне
корзины, она закрыла глаза; приказала: стбой. Я завязал ее
в носовой платок и накрыл ее пиджаком.

Проснулся от боли. Сдул язык голову. Казо оба торчала стре-
ла. Я ухватился за оперенье стрелы и дернул. Тотчас спол

перевитых событий сверкнул в голове. Это были "веки жизни". Между носом и глазами прожурчала фольга прошлого: окопы, армия, детский барак, слани, грудь... затем разглядел: далеко-далеко сквозь туман светилась оранжевая точка. Тащить стрелу дальше не мог, не желал. Тогда стал медленно погружать ее в мозг: дождь кончился, я очнулся на берегу реки. Вода спала. Долго смотрел вверх, пытаюсь взглядом пробить неизвестное, тяжелое, сравнений нет, пустота, силы кончились, сколько лет, сколько антисвета, нет, ничего, вторая попытка, какие слова где же ощутил движение вращающегося взгляда он не пробил неба или как оно называется бессильно так и напо знай себе цену и место из леса вышла, лицо знакомо, подошла ко мне, проткнула бежал редкого тонкого стекла, пей и станешь мужем не раздумывая, я выпил из пустого бежала, горько кричали деревья, она поцеловала холодно и свободно в губы вдеты обручальные кольца. Сильная боль во лбу пробудила. Она сидела рядом и отделивала ногой стрелы. Легко поцеловав не трепетно меня слегка проснувшегося, повела тихо на купальню. Подгибалась колени, в голове сладкие вихри. Заботливо и тщательно вышив, закутала в розовый халат, провела в палат. Вокруг накрытого стола сидело пять вношей и пять девушек. С криками "дорогой отец!" они бросились обнимать меня. Мое спутницу они называли "дорогая мать". В молчании прошел завтрак, во время которого все смотрели с благоговением на меня и мое жену. Она обняла меня и громко сказала: ты отдал немало сил на создания столь прекрасных чаев, но мне мало десятых, для меня это всего лишь сон девочки, тебе снова надо потрудиться, съешь эти зерна. Я съел горсть блестящих зерен, а она тихо засмеялась звуком дождя о траву на рассвете земли. Повела в другой палат. Его внутренность была убрана разноцветными тканями с рисунками, в которых мне угадывались сцены охоты. На полу лежала широкая постель с рельефом обнявшихся тел из мягкого материала; она тихо и, казалось, искренне нестанывала от малейшего движения. Одеялом служила шелковая простыня, на ней были вышиты оранжевые быки, они имели весьма обольщающий вид. Тяжелые букеты, нависая, обильвали нас эротическим ароматом. Донесались шептания ветров, звуки флейты и плеск воды в сердцах. Я разделся... Не помню, сколько времени сурово исполняя приятный долг, потерял счет и думал и,

бить может, годам. Но когда проснулся и вышел завтракать, за столом сидело сорок человек. Все они называли меня отцом, а существо, сидящее со мной, — матерью. События не собирались радовать меня разнообразием. Когда мы снова легли и после сотрясения изменили положение /она приняла позу наездницы/, я почувствовал, что теряю силы, теряю безвозвратно, а наездница, прижав коленями мои руки, впилась в меня взглядом. Я почувствовал, как задымилось место, обожженные ее взглядом. Дена медленно провела лучом с шеи на лоб, и черная полоса ожога осталась на всем забытом лице. Тщетно я пытался скинуть любимую, она, не торопясь, обугливала коркой ожога все лицо, пока все оно не превратилось в уголь. Затем схватила острый протик и с воинствующим криком всадила его меж моих глаз.

Друг посоветовал отдохнуть в провинции. И я поехал на природу. Простецкий хлопец, баян-душа, и у пруда герлопером тревожил поля, хляби и веси, напевая о березовой каше в дубовом лесу. Простота вещей стала для меня жизнью: травы, прохлада пустого погреба, заботы о квашеной капусте, движение врачев за сонным котом, нетрезво уходящим в лопухи, негромко урчит молоко в кувшине, а на двух вербочках под хвостом свистит ос. От солнца в те дни горела трава. Слезоточило стадо. Настух обдумывал над ручьем модернизацию влута. Пескари скучали по профилю окуня. Приближался грозовой фронт. Молнии вспыхивали в притихшую твердь, оставляя над раной вихри озона. Я вышел из дома отдохнуть от мучительного сочинительства. Груда домов затаялась в ожидании пожаров. Никого. Я прислонился к древней кладке зернохранилища, витали запяски патриархальных едоб; досуже стал считать молнии. В минуту их рождалось более сотни. Они яростно, неместово, беспощадно и щедро молотили пашню, приближаясь к бору, что величаво вептало множеством менотев, ископивших то ли от веток, то ли от лешек. Мимо меня промчалась скорая тень, бормоча: что, попяталась, хляби земляные. За тенью промчался велосипедист: во как х...чит как блестяет, аз дверинка внаутрях отарилась... Промла бабна с живым мешком: все хря, да хря, пора и на стол, милый, отбрыкай лядцами; хозяйкина за тебя стонерик уж сиревинет... Неслышно возникнул телеграфный столб. Я закурил. Но сигарета вылетела от грома, конившегося весь вечер во власти неизвестного, и пролившегося, нет — атаковавшего все мажовое. Враз рухнув-

ный грохот рассыпал лона, на ушей моих хлынула кровь, вылетели пломбы зубов, еле-еле сердце часов, треснули ногти и конула кожа на саноггах, лерелья обронили листову, выкрики воды встали над крошечной речкой. Слой дыма и пыли поднимался, чтобы быть произведенным еще более частыми молниями, обретшими наконец голос. Ослепительный ливень молний перешел в упорядоченный обстрел, превратившись затем в лехорадочные залпы. Сильные достигли котла неведомых спектров. Появившаяся на мгновение радуга скрутилась, исчезла, вновь появилась, срезая и раяя своими цветами и невесть бог чем еще ливень света и звука, от которых с земли начали подниматься вала за дымом и пылью черные шаги обугленной и раздавленной, собранной в черные шары материи. Над землей, среди штора искр, брызг воды, кусков камня, деревьев, праха листов вертикально пропала жидкая поселка, замерзшие в положении "смирно". Они двигались над площадью и, поднимаясь все выше и выше по кругу, исчезали. Несмотря на сильнейшую контузию, я все-таки закурил и вынул через плечо, покрытую оплавившимся грязным стеклом. Вскоре пошел робкий дождь. Я вернулся в дом и при свете лучины, поливая огородное вино, памятуя о своем обещании мафу, начал писать. Благоклад. Неудачно прорезались зубы, открытые глаза чувствуют блестящее плечо, рядом грудь, он часто еще будет ее вспоминать, проклятая. Полгода, год, летоси велик. Давно, давно-давно под мягкими ребрами сердце с чем-то боролось. Мель, полная страха, мелькнула, та так и застряла: конец. Но успешный дождь, эскал среди запаха великов, мыла, пров, уткнувшись в бороду деда, - в ней ночевали пчелы-молочники, - он слышал скрипящее: это мне надо болтаться, они, они. Давно уже спит старик... За некрашним хлебом поднимали в четыре утра. Очередь подматривала за восходом светила. Курицы вставали позже. С подчасном крутили толстые самокрутки из листьев ольхи. Выходили одну за одной, до тошноты. Затем приятель показывал фокус: сел на пенек и хитро скрипявшись, стал мочиться себе в рот, даже шитался при этом ходить. У первой избу стояла гиря, прошло 15 лет, она скрылась в земле, взял лопату. Мимо некарии кого-то вели. У кого-то не было пороги, хоронили, вели порогу. Делали подвах, дрались из-за правого носса. Вели тритона, мезвая удочка ловила другого. И, дновная пыль. На базаре мерсика по пять копеек стакан. За толсти-

ми призывами путешествовать в соседнее село. Родные мальчишки на обочине; учился отличать розь от гороха. В село пришли к вечеру. Три рослых руссов утверждали разнонажность статных бузотери. Загорелые преступки с цветами у старого храма, в нем хонутные мастерские. Солодая мелуница впахнулася плавил. На лавке мужики воюли махоркой. Плевали на пол. Принесли мешок нива и горелых ледей. Долго нил толстый мед из желного ведра. Бури мех тем готовилась к работе. У Дятбога в кошельке перест леньгури. На цветастом матраце напорвавшаяся на наши счастья разнедоба снит. Зевеленце рваных усиков под нежно-плечьем. Сидит, как по ее груди бродили пчелы. Ловил вилок наливов, тотчас проглатывал, холодными змеешными скользили они по пищеводу, приносил острое наслаждение. Или к заводу, через забор к открытым окнам бани. Видел в окно: открылася дверь, выбранные лани ножками топ-топ... вошла колония с тайной под сердцем, ее там осталось на месяц, в руках мешочек с мочалкой, на нем желтые крестики. Белки ее глаза как бриллианты у семги. Мех грудной бластел крестик на потной нитке. Под страхом кары небесной тучные стада лев заклошобонили ланками. Уроки леревенской эстетки. Возвращались возбужденные к самовару; молодые мужики в масле улыбались, вспоминали соро. Наутро пошел гулять по лесу. Меня не оставляли предчувствия несидящего: встречи ли, события ли — я не знал. Прасколев вилась река, затерялся в тени старое, дремучее, прохладное и бесконечное. Делеслось крики и стук топоров. Сторожно продолжил путь в сторону шума. Через два километра вышел на поляну. На ней под старой елью что-то огромное и полосатое извивалось и двигалось. Это был привязан к дереву тигр, он лежал на большом муравейнике. Я присел и стал любоваться жуткой картиной, вопреки и всегда вопреки воспитанию и правилам бита. Огненный глаз животного /второй был съеден муравьями/, казался, завизжал. Скрепные труженики обленели мохнатого рыцаря доброй лесных и просторов саваны. Весть о поблче равнелась по округе. Тигр не мог закричать, он уже не кричал, он зевал, подавлявшись стрекочущей массой. Ужаленный глаз источал злобу, пресьбу, тайну, привил. Этот глаз посыпал световое волнение в луну, он лечил мое сердце воплем, болью, мощью; он посыпал в стратосферу и выше лишь один неутомляющий вопль: почему? Муравьиная грязь великана пошла отравой. Не злам, не

вонем, по книжкам сколькими блестяще роти. Я наблюдал повороти белковых орбит, их оттенков, рисунок суровик и белых ресниц. Вот скрылся зверь, затоптанный мириадами лапоз; гук рожующих зевок. Все раке и раке хриплый вонь разбрызгивал долины сладострастцев, вновь они собирались. Я видел, я в в - д е я последний изгиб, поворот тигриного глаза, инкантино-гося на плена и бросившего в меня все мощь проклятья, будто ушла стена из бетона и камня, а может из глины - не помню, стена придавила. Ударил лапа кровавая по лереву сильно, осипалась хвоя, а белка свалилась с грибом в зубах, язык ее проглотили миллиарды зевок. Я еще, еще приближался куча, белая хвост, кровь пушилась на обломанных костях. Я последний раз показавшая глаз немощный, бледный, текучий, отдающий свой поворот-монолог... Боемалась хруст веток. Я спрятался. На поляну вышла стройная с луком. Она вынула из кобуры мощную стрелу, в упор всадила ее в зверя. Занер. Вытащила из него лезвие ножа, обмыла травой, уронила венок. Я подождал, пока охотница скроется и принял венок. Принял я книгу, властно вдыхнул знакомый запах. Мелан, ночь, труд, зима. Вдохнул сильное. Тонкие ладони схватили лицо и закрыли глаза. Я хотел... освободиться, знал: это - она, моя жена, бывшая таковой в какой-то жизни, где и когда я не знал, да и знать не хотел. Я хотел спросить о здоровье детей, но она не выпускала меня, а ладони ее медленно лезли на глаза. Сначала черные, затем редуально круги сменились сверлом, оно тоже ковыляло... ладонная крива... улица... по улице шел я навстречу расквашенному авто красного цвета. В нем ехал шеф. Он тихо затормозил и ловко вынырнул, радостно улыбался мне: знаю, знаю, книга начинается с воспоминаний о деревне, браве; только эпизод с мамой побольше сделайте и отбросьте остальное по старине... Как себя чувствуете? Пригласил на ужин в ресторан; садитесь, поехали до Баро, сегодня получка.

Вновь я сидел за столом и задавал вопросы. Напротив мужчины с огромным яраном на нос. Какие блюда предпочитаете? Отравлялись ли грибами? Что вам вчера передал Васильев? Почему не носите теплого белья? Какие книги читали по ночам? Ответы я записывал и подшивал. Папку отнесения в шкаф. Все уволили наверх. Наверх меня не пускали. Вонял шеф: как попал служба? Вопрос, вопрос! - Да, есть много глупой работы... одной

больше или меньше... - Но профессиональный интерес... - Ра-
новато. - Так или иначе я узнаю суть службы. - Покаместо!
Котани, о работе. Как назовете будущую книгу? Назовите ее
"Встречи с Артемидой". - Но в ней нет никакой Артемиды. - Что
у вас с головой? Дверь, ушел?.. Вот видите, а еще писатель...
- и грустно посмотрел на меня. Мы спустились в улицу. На пре-
дельной скорости промчался роскошный авто. Из себоялика в сти-
ле позднего барокко выбежал молодой человек с европейским об-
разованием. Где-то я видел его, - задумчиво сказал шеф. Я же
отметил: они могли встречаться лишь в моей повести! Но что
это за повесть такая, в которой живешь на пустых страницах?
Вернулся домой и, думая о своем шефе, продолжил сочинительство.
Как-то, я писал, что от старого Петербурга ничего не осталось.
На его месте...

Нора дала несколько штрихов о шефе. И дала ему фамилию
Козлов.

- Не понимаю, что интересного находят здесь? Ну, Эригет,
или Цирк, памятные камни... все? - Козлов глядел на масляные
воды Обводного канала, - да, да, что же еще? И шел дальше с
давней злобой, выражаясь точнее - с мыслью, если так можно на-
звать размышления... Нефть и рижий кевет крени на воде канала
сменились пеной, это молокозавод оканчива кефирную смену. Туч-
ные комья гаря и выхлопов блились в пространстве, в котором за-
мерла полумисель: воздух цах, цах, цах и кругом одни крени. В
цеку снись, в цеку и рубль конансь, и пьсь и прочее; по-раз-
ному только дичут цахи: механический, коммунальный, вечерний.
Тоска пошла дальше. И с фамилией не повезло, и с бабой, и с
детьми. Дите слокло, сьес в полвале крису, баба слоклодон "Кар-
мен" пьет лишь по праздникам, совсем почернела, а когда-то
лосьон вместе пивали в ЦККЮ. Фамидия даже самая заурядная -
Козлов, сколько подобий с производным от нее. Черная, хмарная
задвигка от портвейна "Солидар" спутылась на глаза и, еле
принюхав ее, добрался Козлов до дома, где споткнувшись о ни,
грохнулся в сон.

Не стану описывать портрет и биографию Козлова. У олу.
Эта невидаль - слабые штрихи о пустом человеке. Но кой-чего по-
ведать.

Отец Козлова, едва успев кинуть зашартованное сени в ко-
терванный альбеск, исчез. Козлов рос один пентухом, но как го-

ворят в народе, сам себе на уме. В окрестной от многочислен-
ных лихолетий перепелке он, да еще, увы, пара кобельков
ближ надеждой для родителей подрастающих дучек. Кгры в поч-
ки-матери и казаки-разбойники, в карты и доктора, в пономо-
щину и "кто кого перешьет" вне конкуренции с технологией
Макаренко, они были обожаны. Гуляет по селу опьяненная воспе-
тая гармонь, визжит через плечо: ахрысьте, красавицы, проф-
дентесь ко моста... Любовые, с прикусом подемотренних утех
шутки; сингай, Вася, про любовь. В поле вечный Трактор ца-
рапает бесполомь немую землю, устало переваливается вода на
стремнине. Споре Козлеву в солдаты, вернется ли? Который
парань уходит, и все в город. Хотя и яблони и воздух пере-
вонский живительный, но бегут на деревни. Кто от видимости
основательной жизни, бывшей когда-то волшебственной, теперь
же всеобщей страхом и безголосым званьем о сале березового
сока, кто для переловки идей в пивной потасовке, в пот уз-
кого коридора. В углу радмола исторгает несню вгославского
красавца. По случаю сееднего демослучия лодно. Пьяноватие
парни, зная, что на каждого по десятку лепешек, выгулива-
ются перед народом, выбирают. У кого же дитя слаще? У Пет-
рович, что всегда бедны, искренни и тихи, прохивающий в при-
стройке у цементного склада? Дочь жиния Бра чиста, тиха, ви-
сока, да вот поговаривают, дитяниа нагадала пустой живот.
Для царотвенная раскарня, коць завхоза Санстунева, Надежда,
огненная голова, песенница, плазунья, румянец, как мед со
спелкой, не волница, умалца на все лады, сильная одной и
криком? Потупившись, едут новости приглашенья, и слыят, вол-
нучеь, поселение: кто приглашит мов краля на делью? Минка
из кушниц, вор и прачун, или ватфельдер с эффектом речки
и пристрастном в коткам. Кроит крестьянское сердце, суро-
вой в схватке за урожай, здесь же тронущее метильком, дод-
вергнутое демотру. Знают: познали их дочери собачью свадь-
бу с грузчиком из селяно, на все село добрый он учитель, а
если и не довелось вкуить соленого, то, поди, позруги нау-
чили, как набавиться от лунной тоски. В который раз поет ра-
диола о лавурной ахрытке, и минит уже ловец, расставивсь
со счастливым баританом. На дворе тьма. Жинко в раскрытых
безответных глазах на мосту под дождем. Прощай, Маша! Пока,
Колд! Все расколатен и устало закрывает за собой мокрие на-

лития. Будет вечерний чай, мудрая речь отца о счастье, смахивание хлебных крошек с вышитой скатерти, и будет еще смерть лягушек под старым мостом, но это позже. А сейчас ливень, ливень и беготня шней в теплой шерsti собаки, уставшей лаять за лето.

Замечу: все деревни одинаковы, в определенном смысле конечно. Разница лишь в количестве колодцев и глубине омутов протекающей вблизи реки Быстрой, Чистой, Вертной. Забыла отметить диалекты, количество законных сундуков, пурнушек, старенных дворов. В каждой деревне есть умный старожил, красавица, свалочуга, примерная семья и умелец на все ноги и руки. Деревня Козловка, где проживал в безвестности Козлов, была весьма обжитой. Когда-то она славилась матрасных дел мастерами, пружучей сиренью и насильями. В речке, кроме лягух, водилась, говорят, водяной. Сейчас же на месте саренных дубрей расплеснуты свиньишки, неслята склеваны, похи, голыми короной, а вместо язей, лещей и, как сказано выше, экзотических водяных, появились в реке существа, похожие на саламандр, животных, вера, кобрых, но несколько неуместных для романтического взгляда. Ползущая по реке земля черными проемами заустения, другая была, отметить надо, подколлена и искусно разукрашена флажками. Самы же селяне породали, покухли. Песни, известные своими диалогами с березой, с ивой, с травой-муравой, сманились на военно-блатные зазывания о краже дизеля. Менялся староста, мельчал и высыхал пруд, на хрипок начинал скаляний солдатор, горел лес, опивалась примерная семья, и непременно кто-то топилося от любви; было все, вспоминают замлетрешнее, даже говорящая обезьяна из леса за солью приходила, но только никто из парней, ушедших на погон, не вернулся. Все или на стройку, или в город. А что за деревня без колодецкой пьани, без ружейной пальбы по вечерам, без свадеб? Было только обилие смертей, загадочных и самых случных. Того убьет токком, другого копитом, третий под трактор маловчител понасть, а неизвестный и пятый от простуды в шле... Надо же! И вот осталось всего душ сороек, из которых ходячих меньше тридцати, а из тридцати этих /страшно сказать/ только пятеро мушников, среди которых и числился Козлов, костозлавленный энцефалогический человек... Сам за себя говорит осенний /столь все-

затый не мною / день, и лютвой постаревшей, и агонией стрелков, и коркой жалости к себе самому, нахлынувшей вдруг за стаканом "Кергача", и румянцем на висках, и примерзавшей похотью: надо беречь жизненные токи, впереди Вьюга.

Как Козлов перед эдаким в войска удержался в меланхолию. Вотанет вдруг посередине улицы, вытянит кран и туго мочется на озлоблун курицу. Или в задумчивости сядет на мокрую огуречную грядку. Видели его с удочкой, видели в пристаниционном буфете /в 70 км/ за бутылкой. Напала на него и слезливость; и мать, державший подальше от себя под обстрелом мата, обливаясь приближая и подарил коробочку в заколках... Потом же, ночью, за день до отъездной, один, встал и пошел к толстой Глашке, которую и любил подряд до упада. Пошлая, двести вдовая Глашка утром горела от ступа; вечера же ее две красули — зашли дико и найдены позже были в барском парке на груди бутылки в хлам-расхламещий. Знала деревня: Козлов не вернется и после казенной переписки о вкусовых цах и ласковом старшине двинет и он подальше от пенья потухов и столь любимых в земной жизни бесед о помехах правды. Не спорю, хорошо отдохнуть от патристических перзаний в деревенской глуши /вспомним Тургенева на фоне Саврасова кистью Поленова/. На горизонте церквушка, слева Сосновый Бор, справа захватывающее дух волнистое масляное лугов, крестьянские классические сидит в телеге, а по загорелому лицу внучка непременно ползет божья коровка. Сильные девичьи с лесной воспрещаются с уборки картофеля, мудрый председатель, склонившись с кабри, спрашивается о здоровье новобраченного; впереди еще один и еще, еще день, бесконечность упругих дней. И люди сыты и водки добры. Самовар всегда согрет, и только некому наклонить хвост на зину, а жгучая волна гонит и гонит покаблуну залостливую слезу и несет вечно тверзую мысль: бить пусту, и это так просто, проще какуда. В воспоминаниях о деревне неизвестно откуда беретоя, даже не беретоя, а выбегает свора собак, и гонит эта сучья туча сиять в смут, откуда вышел, и в смуте тоже свора, которая гонит за воды, и так до бесконечности, до самого утра, хотя я никогда не ложился, и если в паду, то вовсе не иносказательные под лани воющей своры на жгучей пыльной дороге, ведущей в красивый мир деревенской скуки и одиозных полотом с созревшим конна-

ром растительных сил. Горожанки подчас представляют деревенскую жизнь через предметы и сцены: кришка молока, сочная герань на уютном подоконнике, вышитые полотенца, росы на утренней траве; вдали стрекочет передовая бригада на стрелитных стальных конях, заготовка кормов и обед в поле, загорелые механизаторы балагурят в тени тополя, Мария пьет из подковой думи, жарко, страда в полном разгаре, выжили отличников, в огородах зреют тыквы, приятная заслуженная усталость, на складе распределяют мешки для молока, строгий председатель ездит в район, что-то сломалось, почему губит хлеб, пьяного разрезало лентой косилки... что-то не то... Начнем снова: кришка молока, ягур, мешки саяла овны, в магазине не подвезли хлеба, засуха всех сортов, с утра до ночи и наоберет схватка за силос, за сено, за клубни; ливни гноят необработанный хлеб, и снова пьяный гнет под колесами, и везде пыль хлорофилла и зеленая усталость, и некогда половить саламандру, некогда размяться в ночной крадичьей утеке, только сенокосный мудрый орок, экономя расходуя силы, скользит который год, который век над деревней, рекой, над мотом червей и дождем, под защитой небес, под покрывалом вселенской тоски. Когда в мечтуют орлы, а сидры вовсе бурные станут, появляется у сельянина кой-какой кусок, который заплывить можно чавкашкой и туманным бормотанием с погоде-бухгалтере, или - что есть такое судья? доплесками век по поводу влияния Ауринины, колдовскими по соседям, у которых в пакостную погоду пакостнее настроение, но на подвала голос доброй души; начинать вязать, ткать: у Сирягоновых чистота, у Доложеных паш хряк, злущка Пинтузовых опреставлять в городе, у учительницы хохала в прищках, Синдрееви выдер кунни... Грязь, дождь, клики шина над клубом, из города нет ничего, кроме фильмов Саммерка, Пастух, Трактористы и Чанав. Сяро над одичавшим престоном, прешлет земля, прешлет мысль.

Поезд уносил пьяного Козлова в секретные дали, а сам Козлов, почесывая гильдцеватое мехпальцево, вспоминал сладкие крики "нини!", чердак с красавицей Соней, артистично стонущей на соломе, слыши целованных солян и слезы той же Соня вместе с Клавой, Машей, Ниной, Таней. Смотрел на окна вагона Козлов на огнишки деревень, засыпанных снегом, и смотрел на

будущее сквозь огни войны мрачно.

Сразу после приезда и до конца службы увела его на разгрузку вагонов. Уголь, щебень, бревна мельнади в его глазах все три года почетной обязанности; лишь передка, желая поскучать, он отдыхал в карцере. Положенные вещи заставляло начальство читать вслух о подажке минера или о вездесущем Иванове, вынесшем из горящего дома шведскую машинку. Генеральный фильм "Чапаяв" он просмотрел 24 раза. В свободные от виновности и сна секунды возвращался к своему дому и пытался лавными воспоминаниями, схожими по зевоты; сколько раз он рассказывался в том, что когда-то... Не важно, что под эти понимать: утопленного котенка, колодезную волку... - "когда-то" становится все ненавистнее и бить может... - истощение помогает и в этом случае.

.....

Не вернувшись Козлов в Козловку. Дуная зловоние Обводного канала, вспоминал он свой первый день в Питере. Допоздна пляжа по набережным и с затанцованным пылением считал мемориальные доски.

До начала работы на стройке, где Козлов определялся подсобником, оставалась неделя. В общежитии скучно, естественно расклеены плакаты о чесотке, гриппе и напичкан, подписан, занесен: микотин - яд, вода - яд, здоровье каклого - общественное достояние, одна панировка уносит 33 минуты жизни, и перх забортного таланта: быть здоровым, сильным, смелым хочет каждый человек, в этом вам всегда поможет рыба - серебряный хек! Каждное казенное белье в чужом доме служило воспоминания о селе, о звоне колокольчиков возвращающейся с дугос скотины. Козлов ознакомился с "Колыбелью", побывав на "Сельском циркельнике" и на канареек в чужих окнах подвизая. Вспоминал он еще и то, как сквозь сентябрьский ливень в подворотню, где он курил, через Дойку, из распаренной залы долетал до его престоки чувств неведомый аккорд, и сквозь ливень, опять же, видел он чуть землеминие в танце пари, победившие в казенном туре загадочного вальса; как из окна усталого трамвая видел простое зитейское кино: люди в подтяжках играют в домино, женщина сидит перед телевизором, школьник прикладывающий грелку к ногам кода /живого ли теперь/, лвое

с бессоницей, шкафы, шкафы, на них чемоданы, на чемоданах пакеты, на пакетах... трамвай завернул... мелькали и пустынно гостинице с багетами и тарелками на стенах, лог в окне, девочка на кранора: бьет живой, — синицы, груди и простой человеческий дом. Но все это было неправдой, давно, и в начальнику Буре не имело отношения, как сам он только что сказал, прочитав мои строки и потрогав пальцем: вы хоть графскимом и числитесь, но все же не очень... смотрите! Все это было давно и неправда, потому как ни Петрограда нет сейчас, ни армии, ни меня, наконец, только вечный Козлов. Но пора и отдохнуть от загадок:

Пустое поле ромашек
Пушистик как первый снег,
Я на белых ромашках гадаю,
Солнце, радость дель на всех.
Когда тебе будет грустно,
Тоска взмахнет рукавом,
Вспомни мой ромашку,
Счастья пушистик ком.

На ушел я поставить после "ком" точку, как получил в темноте удар дубинкой. Когда очнулся, услышал от шефа: я же прозек литературу делать, а не х--ту с бубенцами! Он прищелкнул выкручивать мне ухо. Я, не теряя времени, стал направляться.

... Наконец-то шеф убрался. Только я задумался о своей судьбе и о событиях последних недель, как зуткая боль пронзила мой дырявый череп, кровь брызнула на обок, но я не потерял мужества /хитрое выражение/, все понял и отдал свою руку в чужую власть, а не то, что же скажут соседи.

.....

Шеф открыл шампанское и по-молодецки вынул из горла: Паша, ты в Буре становишься известным, хочу дать совет — меньше философия, больше азарта, никакой трусости, ведь ты — под моим крылом. Кстати, прошлой ночью во сне ты обдумывал композицию своего рассказа... или, там, повести. Но ведь всем известно, что композиция это... э... строение... построение... как бы арка... которая, как ты понимаешь... способна мести... э... идея... призванную улучшить жизнь и

... так сказать /он вскопал/ преобразовать в пределах...
мы... без... досягаемости. Что-то я сегодня косякочен,
пойду в тир постреляю. Он достал никелированный пистолетик
и пощипал дульце. А ты, коллега, мною рукотворство на
благо добросмысла крепкокапитализма... Я позвонил в Бюро
слишком добрых услуг и выписал стенографистку, чтоб продела-
вать рукотворное добросмысленство не выходя из ванной - мечта
длится, в том числе и моя.

.....

Я почувствовал, как через мое плечо кто-то читает ру-
копись. Это был шеф. - Творчество творчеством, а работу
не советую прогуливать, время сейчас тяжелое, опасное. -
Он сверкнул зубами. - Сколько времени прошло со дня похорош
Города, и Река давно высохла, а вы все скучите по Питерским
картинкам. Несерьезно. Я же сказал: маленькой пейзажей, боль-
ше динамики... Я почему на кухне у вас валяется целая гру-
да стрел, вы что лучник? - Он покосился в моем столе, за-
глянул в портфель: оставил где-то очки, - сказал он, нагло
присверкнув очками. Похлопав по плечу: не опаздывать завтра,-
хлопнул дверью.

Ночь потала бессонница и мучила глаза. Я отворил в со-
уде жалитку, носил я воял гитару с наполненным брюхом. Люб-
но устроившись на подоконнике, зашел единственному слушате-
лю - старому тракторному сердцу:

В маленьком притоне Сан-Франциско,
Где бунует вечно океан,
Как-то раз вечерней порой 2 р.
Разыгрался шторм и ураган.

Девушку ту звали Маргарита,
Чертовски красивая была.
В честь ее ладные капитаны 2 р.
Часто выпивали до утра.

Маргариту многие любили,
Но она любила всех пути.
За любовь ей дороже платили: 2 р.
Кольца, амерелья, лемчуга.

Как-то раз в прыток ворвалась
Чернобровый смуглый капитан.
Велосипедный китель и тельняшка
Облегали сильный его стан. 2 р.

Мargarита плавной походкой
К капитану быстро подошла
И в карту с голубом второй
Царя за собой повела. 2 р.

Капитан в лице вдруг изменился,
И в глазах заискрился испуг.
Margarита, ты моя сестренка,
И в ногам ее упал он вдруг. 2 р.

Margarита, ты моя сестренка,
Что же мы наделали с тобой.
Ах, зачем я повстречался с этой
Два раза попой развращенной сестрой. 2 р.

А наутро Сан-Франциско знало,
Даже сын, хозяин кабака,
Margarита ранней порей
Вросла в волны с маяка. 2 р.

Катится слеза у капитана,
Он бредет по палубе с ножем,
И в пустынном месте океана
Вскоре он застрелится потом.

Я любил эту песню-драму за ее простоту, экзотику. В ней было все: и проклятый долларовый город, и великолепные ценности, и голубая втора /я даже вижу, как она колыхается/, и — что делать? — индуст. Востановленная драматическая развязка: голубой вина, маяк, нож, палуба и розовой выстрел... Ничая тети, я плачу; не надо на меня смотреть.

Нарядно насладившись собственной тоской, я поднялся на чердак, где меж прогнивших матрасов, сломанных стульев и ржавых ведер был спрятан заветный сундучок. Виталии костюм из Бостона, галстук с пальмами, пером и — что особенно ценно в рисунке — с метрической и малюсеньким пароходом, уходящим за горизонт, бить может, в страну чужую, где растет

золотой виноград, подаваемый утром с холодной росой, такой же холодной и желанной, как горный ручей, струящийся сквозь ландшафт, через горы, до оклаву, к моим ногам, обязательный которых никогда не увидит золотую негритянку /цвет золота с бронзой - один к трем, слегка розовеющий на пальцах и ступнях, правящих к нему волшебных песков/ и никогда не коснется налужбы заветного парохода, уже уплывшего с галстука. Отсюда жисть с крыши, по которой стучал дождь, по-детнему добрый, я принял естественный душ, приснул на себя духами "Утро Бембел", оделся и, отбивая чечетку, в белой шляпе, с тростью спустился во двор, где уже стояла машина красного Цвета. Паликнув в локсеном дворовой впаде, поехал на работу, которая теперь находилась в старом особняке в стиле позднего барокко. В вестибюле /охлажда парма в этом слове/ на доске приказов прочел собственное решение о своем повышении. Зашел в кассу за деньгами, затем закрылся в кабинете, приказав секретарше никого не впускать, кроме шефа. Сел за пишущую мою печерком машинку и стал работать. Чтобы озвучить грубое повествование, создал сныватичную дьячку, молочную стройную Агафазью. Ба отец был /кем бы сделать отца?/ инвалидом. Некая девица и вперевье в поселенческое голубетье вошла, и на неисповедных железнодорожных путях оседел он с чернойсией беленогой веселой дванцеткой.

.....

Пришла пора вступительных экзаменов в канцелярию заведования. Вот около университета остановилась лавушка в кокошнике и в цветастом деревенском платье. Она сторбилась под тяжестью окруженного ватного одеяла и мешка с вареньем. В котомке - десятидневные философии. Это и была Агафазья, некая моя дальняя родственница, которую прислали ко мне вместе с зубчатной и книжкой черствых грибов. Смешленная курочка-раба с загорелыми икрами приехала поступать на блокнический фак или, в худшем случае, в Академию - все равно кажу, но шивашишь оказалась дурачкой в казак-то котангемсах. Я поселил ее у двигателя, дал ключ, отобрал паспорт и ушел колотаться в помойках, вдруг Векенира надул, ведь невел же Митурдина! Вечером у меня, простите, у нас было весело. Она с подружками смеялась, увидев на стене офорт с тринадцатим подвигем Гериз-

ла; за чаем обсуждали оперетту "Севастопольский вальс". Этот вальс знал их в притопи-прихлопи, и они, сняв бигуди, ревно из марши брвчата, кружились по комнате. Город им нравился: цыры и бананы есть, — говорила Ага, бесстыдно подтягивая чулок, — думаете сельской жизни испужалась? Нет! Не хочу я сверкать и вопить о золотой органике наезд. В тамбуре, откуда швыряла свое грустное око в тонн хабаровских, омских, тверских лесоповалов, думала и мечтала скорее увидеть мир радуг и любви, не беда что пока товарищеской. А в деревне не оченъ-то посверкаешь, разве что перед свинко-наткой. Горюх, Город! Мы часто снимем круг кругу. Он — мой кумир. Пройдет год, и я буду летать на ковре и бросать в полюбившееся асфальтовое долины розы, глицинии. К пусть тогда разластят в бетонных лабиринтах мой вослик, мой нест-наццатилетний вопле-порек, а голос шлет: на берет Катина выходила, чтоб с обрыва счастье разунеть...

Два дня они крали стержадку и свекольный корес. Док-звуди оклахомовской истерии танцевали вевочки вокруг дисе-ля. Музыков было лишь двое: я и старий хрен со стертими ро-гами. Дамы втащили нас в круг. Пришлось плясать по второго инфаркта. А потом что было, то было...

На другой день после ознакомительного разговора: номер паспорта, группа крови, она сказала, как бы вскользь, что у нее сегодня день рождения, и она, булучи, между прочим, девушкой стеснительной, напоминает об этом и презент отме-тить логично застольем. Я вывернула наизнанку и пошел за вином. Агафая встретила меня уже в халате. На столе лишь мореный укроп. Внимая за выношницу, со второй мереховато захмелела. — Я слышала, что ты художник. — Да, это мое при-звание! — Не мог бы ты сделать мой портрет? — С большой ра-достью! — Аллегория вности в современном прочтении и чтобы... чтобы никаких легкомыслий... и... чтобы волосы у меня были золотые, а вея сама я... так сказать, без всего, не зате на фоне водонада, а в руке пистолет... — Зачем пистолет? Лучше лопату... — Вности свойственна пальба, но желан быть лопат-ницей. — Я не буду писать чепуху. — Тогда хечу в валонях и с селедками на груди... оригинальность — мать муз и отец таланта. Старое надо рухнуть! — Да, придет время, и музев будут ползать перед нами на коленях, — думал я, веяна холет

за колотом.

Через месяц мы поругались. Она сказала, что гранат, пластмассовый чайник и мужские помочи для истерморта не пригодны. Как посмела, мадамка! Я вопижу, наделаю краплеком и напомню ей о съеденных бутербродах. Она тоже вопидила /сборзела на мой харчок, я не жалкий, но где же предел/ и назвала мои помочи, мой аван-гард - "старушечьи грехи". Долго мы еще вопиживали, пока, наконец, я не выгнав ее на улицу подумать над скрытым смыслом песни: ни мерз мне не стряпан, ни кара, ~~ни наказания~~ только доктора. Через час она вернулась с тортом, допросила прощенья и со словами изумленного пожелания: полетайте до самого солнца и домой возвращайтесь скорей, - пригласила к маленькому столу.

Ссорилась мы часто и часто мирились. Я познакомил ее с городом, и уже не водил в филармонию и на лимонадные вечера. В музее жарко, в ботаническом саду душно; она мутливо грозилась пальцем, когда я до-товарищески пытался ее обнять. - Моя книга белая чесоткой, - отмахивалась она от пощипываний, и то чулок невзначай поправит, то, потянувшись, перевальнет сахарные крошки, взрасслевающая чертовка! Мы подружались, а где дружба, там и симпатия, как говорят ушние на Востоке. Однажды мы решили потратиться и пойти в кино. Показывали хронику. Расколосил у каких-то там берегов лафнер. Докеры забастовали. Промени ультра. Убили диктатора. Народ ликует. Построен рельсовый завод. Екольники прощепносят цветы. Наконец поткнулись титры художественной ленты. Я лил дарище слабость и азиатскому сынема. Предвинула беибейено-деливский флирт, смотрел на экран: забег молодой лери, стометровка по солнечному городу. Он и она уже вкусили самого сокровенного. Естественно, он из бедной семьи, но способный. Вот на экране его родительница разглядывает лицом с отличком. Сестрица /в 230-й серии потребуются деньги на ее лечение/ привстает с ветхих нар, хочет лицезреть образец цинкографии. Но ее душит Емелев. Целруга смаленщина из богатого дома. Редовита на 15 волон назад и вперед, это однако не мешает в годн разумн докать утешение с преледной гадкой-патриоткой острова Куинида-Грени. Герой во время танца перед нами презент у мамы дочь. Помятно? Отказ. В руке

дочери реклама набора слов. Риданне под микроскопом. Идут, неизвестно куда, года. Мать видит — неизбежность сушит дочь мам, которая плохо видит. Так же, как и я, я ничего не понимаю, но мы с Агой режем, режет весь зал, и киномеханик, бедняга, режет в который раз. Домашний симфонический оркестр и поездки на Южный полюс не помогают. Из заморам садов /восемь серий/ является бластательный богач. Какостно выкорыши киномогает в танце "Солнцу вечна цвести". Во время трояческого диния архилубенная пара поет что-то похожее на "Уд я селаа динюк, ой динюк..." В 401-й серии перен свадьбой выдвигается, что жених — валютчик, погубивший в перестрелке и его ловят. К отеческим бредам возвращается тот, первый, уже кончивший с золотом на вакуум-то степень. Учеба пикантно иссушила мозг /вот он экорювается с четильдником сапог/, занятый теперь мыслью "как помочь, где, кому?" Он мысленно, как и фабула сентиментальной телеги, думается еще без ксестилей по саду нам знакомому с детства. Немного компиляции у классиков прозорливой души и доля "ретро". С мезильными глазами герой идет в сад, откуда в партер, там девятый вал слез. Грозные тучи, темные слани, черные камни у бедной Лэвон в грозу над обрывом накануне разлома в родноме любовь динюк; что делать? Постаревший любитель кино скажет: экая драма; чего не бывает. Я смотрел этот фильм еще и еще после двадцати стаканов шмарлыгана, вдребадан пьяный, ситый, повольный, теплый дышал из зала под локоток с Агафазией, пьяной в грязь, разлутой от колбасы, краснокарой, горячий и... вроде бы счастливой.

"За отличные успехи" мне дали от работы квартиру. Вещи сам вручил влеч, а также талони на грудное молоко. Он их вручил со словами: мы с удовольствием следим за развитием вашего романа, коллетя. Bravo! Агафазия придает вам силы, курс правильный. Не советую не очень увлекаться старостенными персонажами. Еще пару штрихов и переходите в другой... мир. Кстати, в этот вторник ушли в Офицерском дворце... Внизу идет машина, едем на полigon.

.....

В Варе с утра я сам колать прошлое. Разрезал заклеенную коробду, вытряхнул вылограмми снимков — десье на себя. Сколько подобных архивов тащат за собой по жизни, сколько серебра

пералито из рудников в эмульсию склероза. Значит так, налево детство, направо юность, вверх зрелость, вниз разное. Интересно, какая куча больше? Налево школа, направо мордочки, вниз разное, обиды. Вниз школа, прямо... потеря памяти, лагерь... а где детство? Снова, не снова.

Оказалось, куча мордашек больше детства, школы и хлеба. Впускной список. Многие нет. Время, вперед! Этот - выучив язык, потерял свой язык и речь. Тот, в нижнем ряду, он ведь тоже внизу, часто плакался, собирал значки и жвачку... А эта любила торты с пивом, гуляла в порту и... вынотом катера вдребезг. Дальше - свистульки, весна, столетия. Лена в клетчатом, беременность десятилетних ген. А как редела, когда на алгобре раздали. Гриветта Виллетта. На лекциях "от топора до кастрыц" мальчишки связали ее, - она была классной красавицей, - посадили глушилку на высокий жиденький шкаф и ну катать из стороны в сторону, пока пышка-глушилка... Кажется, в классе восьмом, начитавшись светских страданий /... нет, нет, мама, я не в силах дальше жить по-старому... Отец, оглянись, посмотри, как пуста и ничтожна жизнь! Как девочка только говорит о подвигах ради ближнего, а сам... сам противит наше поместье. Девичество разваливается, работники уходят, в душе копится горечь и... если бы не Николай, мой друг, верный и преданный, я бы давно... Да, да... Я ухажу с ним из этого болота... к новой жизни, ради торжества возмуженного... Прощай, няня... /, по собственной воле при свечах была... на кладбище, в жуткий ливень. Девичество музло. Давно мальсони пьет - подседа на бухенно. Ветри страсти. Где моя бригантина! Вот и я. В пляжик очкач и с медным перетнем. Первая пышка. Видно не поправилось. Как поздно стал жить! Мариулетта в канардском де су, беглянка с лопатой, уже стотрелялась, втрескалась в баллиота, может и не в сленного. Ого, да я в юности влачился за элитой. Тани-револьверница отравилась керосином, бедняга в перерывах между револьверованнем тачала совети про стригущий лишай. Любка-экскаваторница, обрезала кабель, испортила и себя и машину. А этот свалил через перевал, став миллионером, заскучал по звонку ручейка, запросился домой, недавно вернулся. Кто после... сразу на стадион. Дали палочки для риса и отработали на нем 27 приемов итиковой агани... Осталась моя паспортная фо-

тография. Какно ваял пинцетом, пошул, посмотрел на свет и тьму. Вот он, смотри, тетя, портрет законченного негодяя, редкостной влюбленности, способной у отца родного отбить и пошл и бабу. Портрет человека-ли? вынашивавшего и стрелявшего очередные скабрёзности; образование — два корктура, ядрена корень, как говаривала соседка, утрамбованная попойку и разбрызганная криве, сатана ее забодая. Падла, выдавал себя за мыслителя, мыслящего и во сне над некими взаимосвязями, хановой с чинами, языкков не умел, бегал быстро и, возможно, неплохо стрелял. Пустые чертости, уши — капустные ластья, свищеватые брыли. Ну почему не придушил Даггера? Время снать; все; до конца. Погасил свет, зашел в чулан, вынул стеклянный глаз, опарил кипятком, утопил спать в миску с медом. Затем заснул, негдо наплевая на перекитое.

Пробудившись от песни; выглянул: во дворе расхаживал перо-детий шеф с гитарой, зресте не узнать! В белой шляпе, в бостонском костюме и в галетухе, необыкновенно разразованном, с пальмой и нагритяжкой. Агафазия не было, в воскресенье она пропадала деневдн в спортклубе. Увлекалась стрельбой... не то из арбалета, не то из пушки. Шеф, в окруженная нищих и девиц, стоял на растоптанном газоне и пел знакомую песню.

.....

После ресторана шеф завел меня за Агафазией, а затем предложил покотаться по горюку, в котором, умная тетя, никогда не побывать тебе.

.....

На своей профессии я не жалуюсь, чего вить; лишь бы вино не кончилось. Бутылки все же валяются, в день честно выходило по шести-семи рублей, за такие рублики у станца ва-----ся. Да и вотав когда хочу.

.....

Семья семьей, но я долго не пил, а как запил, шеф исчез, не стало сунруги.

.....

Слоняюсь по-над-берегом финских болот, донагая до курортов, а снова и снова... что же снова? Не снова, а однажды.

После увелов назло медицине пошел в пивбар. Лихо с какой-то инаной был ери, потом помы машину, снова машину, коридор, который заканчивался прямо в лесу, лес тот рос в горах; где они находились, я не мог вспомнить. Я мог вспомнить. Но я не мог, никогда, да!

Где уныло семя павет на савете души; да, падет и не встанет побегом сомнений. Где он, тот, кто ушел? и куда он пришел, чистый шаг, золотая корона выданий. Визг стрели. Мимо. Ветер мимо лица. Сразу несколько стрел. Пролетели. Движение к ним, и от меня. Сегодня в меня не попасть. Артемиды устала и постарела. Или наоборот. Тучи и тучи стрел. Напрасно. Снова тучи, но это другое. Подышались наги, я спрятался за деревом. Шаги слышались везде, повсюду, но никого я не видел. Невидимки проходили мимо. Я слышал их смех, кто-то щелкнул меня по носу. Прямо на глазах согнулся и треснул сучок на земле, потом пролился в воздухе бокал из тонкого стекла, я поднял его и выпил. Содержимое было знакомо на вкус. В заключение - это я видел точно - на уровне человеческого роста пролился сорос ивандик челюстей, совсем молодых, крепких и здоровых. Утром из моего рта снова торчала стрела. Мне нескучно их витаскивать, пошел на работу со стрелой. На улице все показывали пальцем, смеялись, свистели. На площади Гемия даже оштрафовали "за похабщину при переходе". В Вире вошел злой. Шаф ждал, олетий почему-то в военное. Не удивлявшись моему виду, он велико поинтересовался, как продвигается повесть. - Мне нравится ваша бронетельная работа, необычна приемов, неординарность мышления, решительные временные смещения. На фоне прошлой, вовремя сожженной макулатуры ваша продукция на высоте. Мне также симпатично то, что вы работаете настолько откровенно, как если бы завтра вас ждала роковая операция. И это, несомненно, покоряет! Случает несколько слабая светлая складка и увлечение литературными реминисценциями на основе поверхностного знакомства с первоисточником, перенали цезури, стилистические рифмы, доморощенный мифологизм, школьная материя, пристрастие к сложным соподчинениям, обилие пунктуации... но, - он похлопал по плечу, - вы парень не промах, уладываете с первого удара. Вчера я издак приказ о присвоении вам звания подполковника. Это за ваши заслуги в развитии свободы слова,

за исторический материал, поданный в увлекательной форме, и в первую очередь — за честную работу в Бюро.

За время службы в Бюро я научился не задавать начальству вопросов. Это вопросы /моя профессия/ есть ни что иное как проверка информации, а не ее поиск; выявление филологической подготовленности, утверждение мнения, давление, улучшение. В обыкновенном вопросе "какая сегодня погода?" гаится, кроме утверждения скуки, состояния праздности, провокация на разговор — сначала о погоде, а потом: что вы читаете по ночам? — по интонации, а не по содержанию ответа определяется психическая устойчивость, здоровье в целом; по паузам — финансовое положение /мне это удалось не сразу/. Во время беседы многое можно определить по рукам, ногам, пальцам, коже,, не говоря ни о чем о самом лице. Физиогномика в Бюро была чуть ли не главной дисциплиной на вечерних курсах повышения квалификации. Я ее сдал экстерном. Разберем пример: "Какая у вас зарплата?" Этот вопрос несет в себе приглашение к доверительности, участие в судьбе, заботу о вашей семье, возможность подняться на карьеру, информация о том, что зарплата маловата для такого человека как вы, если видите напротив меня вы. Слово "зарплата" имеет в себе не только обозначение, что в этом мире, кроме музыки и любви, есть еще и повседневный обряд выживания. Построение вопроса контрастно отличается от "сколько вы заколачиваете?" или "не обманут ли вас деньги?" Вопрос направлен по розе ветров во все стороны вашей видимой и невидимой жизни. Ответчик сразу напрягает весь свой логический арсенал: не подозревают ли меня в чем? промывали ли про украденную вещь? проверят горизонты немани? Что отвечать? Да и стоит ли отвечать?

Допустим, мне ответили: "спасибо, ничего". Прованализируем ответ. "Спасибо" означает — кроме заурядной дружескости, раболепия, стремления с самого начала показаться кобрым баранком — еще и попытку скрыть нелегальный заработок. Настороживает краткость ответа, не так ли? Я произнес три слова и один звук — всего семнадцать букв! Ответ не состоит из — если не ошибаюсь — из шести слогов. Сравните: я —17, ответчик — 6! А, что втрое меньше. Вторая половина ответа, как вы еще помните, умная теща, состоит из эффектного "ничего".

Что именно это "ничего" означает? Ничего не получает, обвиняют беднягу, или настолько "ничего", что по сравнению с этим "ничего" другие действительно не получают ничего? Не я сегодня устал, поэтому заманчивая мысль. Умная тетя поймет меня, а глупая пусть мимо идет. Добавлю, что отвечающий всегда раб, ответ всегда есть признание подвластности, поражения; слово само по себе — эманация вины, в любом смысле: в материальном, ментальном, иррациональном, — так говорят само слово, слово с маленькой буквы, разумеется. Итак, я никогда не задавал глупых вопросов, но сейчас я спросил у шефа: что делают дальше с протоколами бесед? — Их анализируют, составляют заключения — нуждается ли ответчик в половой дезориентации или нет. — То есть, — уточнил я, смеясь, — делать из него существо третьего пола или не делать? — Нет, хотя да, но... подполковник... мысль вы поняли, хотя вы всегда упростили... Хватит о работе; как говорил мой предшественник: работа и карты отвлекают нас от жестоких размышлений о смерти. Сегодня два вам отгул. Проезжайте захотеться на лодке, прогулке, пить лимонады, на бал, эх, — он достал из моего стола шампанское, — жизнь прекрасна, только благодаря нам прекрасна, или великий и единственный литератор!

Мы осушили по пятому бокалу, и я решил на второй вопрос: скажите, экскурсно, что произошло с Путиным за 20 дней моего знакомства с оперой "Кованщина"? — Ум, дней? Вы говорите — дней? Может быть, лет, веков? Да и почему я знаю, все уложено в этом мире вышестельном. Может быть, вы погибли под Невой в метро; может быть, все в нам подослала врагд-стечесна; или — это скорее всего — есть в вашей голове нечто такое, что возвращает вас в прошлое, затем кидает в будущее, на него в настоящее. Сходите в архив, там найдете свое личное дело. — Я смотрел досье, там не хватает перник двух страниц. — Шеф усмехнулся: напишите их сами, сочините, скажем, в стиле марша... он ловко схватил за оперные стрелы и дернул на себя: что же такое свобода, — я шел с бутылками по Латинскому саду, — сейчас подумаю... Вот напасть какая, знаю, а выговорить не умею. Свобода это... такое... большое... полное воды... пища... да вы меня поняли, что там. По-московски я грамоту не могу уметь, пусть ученые цацы скажут...

У выхода из Летнего сада стояла...

.....

Я снова почувствовал, как что-то проливает мой мозг... Луч солнца отарил мне глаза, я стоял в Буро. Шеф сидел и задумчиво читал мою повесть. Увидев, что я вернулся, он быстро спросил: что такое **к о л б а с а**? "Кол" это прин, "баса" по иностранному - котлет. Получается непристойность. - Колбаса это меничек с раздавленным мясом. Маса там мало, только для запаха; больше жира, костяной муки, крахмала. Колбаса - синоним счастья. - Скажите по секрету, при васей ... **т е б я** знали или людей? - Помыуйте, в те времена людей очень и даже весьма любили. **Т е в р е м е н а** были передолжены гуманизмом, искренностью, состраданьем, чувством локтя, оно случалось повсюду, возле звучащих песни о любви, труде, о труповой любви и о счастье. Вель только подумать - как не кричать о счастье, когда ты на отел начальнику цеха приносешь не сто, а сто один пашальник. Сто ерботаник в порыве творческого энтузиазма, а сто первый - перевиноаменный в конце того же порыва. И как не запеть вместе с начальником: пришла домой с работы, поставил в угол рашпиль. И повсюду флаги, флаги, песни, улыбки и фонтаны заботы, счастья и гуманизма... - Довольно, - перебил шеф. - Это я читал в старых газетах. Или людей или не или? - позволяте, озеелене, чтобы на плечах стояли котли с убойной, а в лавках продавались головы и требуха... нет. - А не с магазинах... так сказать в неофициальном порядке - или? - Лично я не видел. Сам голубой лосня на упочку, кошер в глане нек, ел кузнечиков и зельц кровавой, ха, ха, ну и ароматы в обдаге стояли, ел крапиву, лопухи, дробь для тяжести в шаврине бряке, газету, ткани, пивок даже, в соли их вымочань, они как соленые леденцы, лишь хвадало а без этого. - Значит, не или... е маль! Скажите, подполковник, что такое "Беломор"? Белый мор? Бывает и красный, и черный? По иностранному "беле" - черное, "мор" - дыкание. А, получается - черное дыкание. - Беломор это такая маленькая штучка, вроде аппарата, который создает искусственную дымовую завесу для смягчения контраста окружающей реальности. Ве - реальность, ле - в, мор - дыкание; реальность а дыкание. Так что же произошло с городом? - Да что вы затвердили - что, что? откуда я

зину. Он просто и вменяем.

Иоф достал из своего портфеля плоскую бархатную подушечку, в которой блестяла богатейшая коллекция иглонок: полюбуйтесь, коллега. Не правда ли, изумительный товар! Открою секрет — по вечерам хожу по городу и торгую иглолками. Не хотите для хозяйства приобрести? — Спасибо, мне пора идти за посудой. Ведь еще не ясно, кто продает посуду и кто работает в Биро... Подвиньте меня до Летнего сада...

.....
Брать двадцать пять. Снова паспорт, снова...

.....
Вышел болевой, обросший, добрался до дома. Со слезами обнял кувальду, от Агафаны только открытка: поздравляла с днем почты. Того память. Как мило. Всем я нужен и все меня помнит! Нет; никто, никогда и нигде. Я сел на пол и, закрыв лицо ладонями, как ребенок, о жизни задумался впервые.

.....
— Удивительно, — Иоф откинулся на сиденье красного авто, который установился напротив особняка в стиле пышного барокко-обор-о-рококо, — начали вы с того, как "ладонями закрыл лицо и задумался впервые о жизни", а кончили "в том же лет двести пошел на звездный фрегат". Удивительно! Сколь-зкие сознание, эквивалентности образного ряда: жизнь продолжается в океане, — символические вехи: трамвайный билет в гробу, — аллегория тина "старика с горящими волосами", — это, может быть, и вкусно, но литература ли это? Честно говоря, мы немного перестарались,, когда кроме старик газет, все обогнали. Теперь нет эталона; вам на руку — творца не хочу. Назависав груды слов; коли на нитку света алкогольные видения. Но... я обращаюсь к вам и советам. Не махайте, полковник, не подвешивайте. Ведь через месяц публичное чтение вашего произведения в Офицерском дворце.

У меня /как пишут писатели/ переживаете лихование: кто же будет читать?..

Иоф вышел из машины: острый в гречке морщи, задумчиво распустил нижнюю губу, стоял на корточках; первая пара ластов была уже с олеце уха.

— Читать поручено вам, коллега!

А "словно в каком кошмаре" вернулася домой", "остреглав поднялся", нет, "валется в свою каморку" - "надо бороться", "надо спешить", "сегодня же закончу свое дело", а там будь - что будет; "главное это - чистая совесть" и "жизнь", "пробитая" "не зря"! Агафавна вернулася из своих таинственных скитаний; я, не задумываясь, толкнул ее к машинке, пиннутой ее почерком: начани!

... И, расстроганный радостями жизни, я сел на ручишечки и... казалось, задремал. Все кругом вокруг я около витало и блестело: белны, затем синны, после - синяше чудныи - то ли запахом, цветом, а может и чувством... занятая.. - У нас бумага только на одну закладку. - Далее: тончайшая, зачерпнуть, шелковистая, нет, целебная, нет, все зачерпнуть. Легкая аура направляла волны к лицу, то была волны раздумий, тонка и чего-то такого... - Дента слетела, здесь дует, я пересяду. - Сволочь, вечно обиваешь с мысли... и чего-то такого... - Сякото. - Нет, чего-то такого, что может... ах, сука, потеряя нить... Цели солесья в сочных от благодати и теплых ветров лесах. - Красиво. - Дальше, не пейсничай. Соловьиный трель я слышал только по радио на губ имитатора... Все было чудесным и волшебным. - Я бы написала: все было о'кей! - Ты типичная хищница с танцплощадки, ты должна работать, работать и учиться. В поте лица. Ты редкостная дрянь, и все-таки я сделаю из тебя человека... где валидол? - Из тебя человека... я устала. Мама, я хочу вина. - Сядешь на берегу, волна колыхается. Тела голые позвигивают. Толстые фотографы, кто с попугаем на палке, кто с огромными самодельными крабом, зазывают публику. Вдруг все вскочили, залепотали: дельфины, дельфины. Крики: Гриша, Мама, акулы. Девушка а-ля Дейнара наслаждается бешеным бегом, влетая в бригги. Цейманн вора, за шею схватил его огромный кузнец и монотонно мучает бранью. Собирают гладкие камешки, они помнят ступню греков, карамлов, подомву германца и мер пятку тове. Я... вкусю саломинку. От жары и старости свистит в ушах. Прескакивают у горизонта молнии, теплоходы, мечтания. Вечером и во рассвета из песка и смичек островерхий домок.

Сегодня ровно месяц как я живу на берегу Черного моря. Лней через десять снова в путь, к Питеру, домой. Как-никак, а нашим месяцем три топать...

Однообразно проходили дни. С утра рыскал в полях
бутылки вокруг тащилосапки и яхтклуба. Сдавал посуду и
отправлялся дремать на пляж в постель прибой. Кашель пре-
шел, ангина затихла, но суставы болели по-прежнему. Ноце-
вал или в кустех или в дровеннике у старухи за 20 рублей.
Старуха, подозреваю, была по профессии чуть ли не коллегой.
Иногда ночью притаскивала мешок с углем или бидон масла, а
то и резиновый сапог, полный вина. Спал на куче шлама, под-
стилав травки. При свече ночью читал "Дети горничного рая"
и обрывки газет... По утрам огородами, кой-где ущипнув сала-
ту или лук-поре, направлялся на поляны стеклотари. Как и
в Дитере, вся территория была поделена меж сборщиками. При-
ходилось буквально из-под носа коллег выхватывать кусок хле-
ба. С бутылками собираю и клопки. С топливом худо. Вместо
чайника пользуюсь детским горшком, он в моих руках обрел
вторую жизнь, более интересную. Если захочется вкусненько-
го, иду к закрытому рынку и собираю под прилавком сброшенную
ягодку, редис, запустивший листок. Помешать, еще вкуснее лабаз-
ного. Меню у меня, в основном, следующее: перла с хлебом,
чай. Если удачи поработал — стакан Бектуков и рыбина. Нас-
чет витаминов, так я их бесплатно ем: крапива, огуванчик,
просто валяком травки порубить, морской водичкой сырненькой
и вот тебе салат "Воспоминание о Вге". Заметил я: по всей
дороге в магазинках железно стоит консерв "Завтрак туриста".
Это перловка с рыбой маринованная. Рыбы почти нет, зато ваши
целая баночка. Соседакий вот, раз поел витет консерв, чуть
кошачьи не отбросил, рвало и крутило бедолагу несколько дней,
а вадь и мажут или и яники грибы. Видимо, плохой турист вы-
шел из этого куска. Что ж это такое за завтрак, ну а обед
и ужин уже не нужен. Последний харч, а вадь в последний путь.
... А почему "туриста"? Или это в связи с развитием окиталь-
ческого вида спорта? Пришлось, однажды все же попробовал
этот "завтрак". Несколько дней кормился на помойках около
столовых, так как деньги, эти распространитие карбонанци, друзья
альпинисты вытащили из моего тащилоса, из карбюратора. Приданные
пункты посуду не принимали — не было тарн. В вот голодный
волком под ручку со знакомой угловой шкурой иду мимо метро
и наткнулся на сброшенную банку "завтрака". Арать охота. За-
вернули ми на помойку, открыли железной баночку и оберляли

ее. Подругу здесь не с поносом повезло. У меня эта консерва в горле застряла. А и снегом задал и проволокой пронхивал. Ни туда, ни сюда. Застыла, и соли б не трахнулся, несколькоушишь, группы с помойной бачок, слух бы. А так потешна чуть, поломало внутрих пицезд - и все. Метель еще луце, фонари на безлюдной улочке качается. А я читаю на заборе спортивную газету, про успех моей гимнастки... Слезы текут, а я читаю, читаю. Потом объявления: продается английский роаль, душь дом с видом на взморье... Снова воспоминация. Что поделаешь - моя слабость.

.....

Приговаривая: от Венери я ушел, и от Бакуса ушел, и от тебя, Безносая, тоже уйду, праздне гуляя я по набережной. Цвели каштаны, а может и не каштаны цвели розы, любимые цветы всех кроме меня они не радовали как крестьяне. Ньют портвейн я молоко так пил как ньют они сивуху с медом. Итак, цвели, а жек; на другой, после очередного дня, день я нагрустнул и захотелось кого-то встретить, и этот кто-то показала бы и местный краеведческий музей, и где останавливался известный /в ту пору тяжело кашлявший/ писатель, и свое любимую скамейку. Море лениво плескалось... Плохо! Море калычественно несло свои волны. Выхо! Море вечно в работе... Глухо! Море выбросило за аму грязь прошлого лета. Желко! Мутное море, как и смутная трезота в ветре и в... Скучно! О! Любимое, Черное море! Опереточно! Море! Кратко! Спервающий мирок прохлады, шума, жизни! Высокопарно! Кеток видений и прозрений для странников, душой уединенных, запятая... Агафасия, крошка, ты совсем замучилась, или банки, я донечитаю: цветущие цветно цветными цветами цветы стальные украшения, наградой, падая и ломаясь в руках, в потливых костюмах, в гавонках и вазах, в губах и так далее. В полдень по неску пляжа прогремела, домаясь, мурма и ржавая, стальная газета. Сирень броске и щедро бросала свои холодные руки, арцаюсь на ветру с лепестками. Они посухнут, слегка украсив досуг немтиль, в чалу эвартарном на счастье печам, что не носли-понили вдоволь неатар сирени и сокращили посредством эти стремление к битве в полете смыком, вадь, как известно, авет голодный отнотить не в силах может справиться это; о, что же "это"? ужели это напоминает кечто, и

это "ночте" знакомо с котетва, как сказка деда с добром волне? который ехал бабулю где-то, но не заметил, как автор хитрый послал адеганку звериго-бине простую Ману, совсем девочку, на той девочке была маичонка, и цвет маичонки был роковым... Уф-ф. Куда меня занесло... Снова я бродил смердяком по окраинам, потупив взор в мусор, в репей и пушистый рахит трав. Я оказался на молодом кладбище. Тихим шагом. Меж свежих холмов. Янат жестяных лубовых листов. Ленты, вороха целлюлозных цветов. Крести, простые доски, памятники, вот монумент наданку, вот подростку бьет, закончен тот бесславный томный. А там, под тополем, в тени благоухая под псевдо-рыцарским крестом, покоится Аристов-некто, и нить его усев /улыбка-фото/ намочена случайной непогодой. Наташа Лось зарезана грузовиком, кестянице Ванни-кин унал с супруги. Я здесь и там, повсюду слышится картонный рона гогот.. Но кончилишь печальные слова. Побуда глаз берет, хрусталик ока преломил пространство пустое ожиданье; оно выдохнется: и ожиданье в пространство. Кукушник мальчик ходил между ртами земли. Давно подобных снов не объявлялось. Но нет, то явь стремительно и четко меж этих строк раскинулась, грозя отяготить сознание очевидца бесстрастностью и чем-то с буквы "а". Дитя подпрыгнуло: ку-ку. Еще подпрыгнуло: ку-ку...

Гроздь винограда, чашка меда, стакан острого, дыра заполнена.

Возвращаясь с пляжа, я увидел красный авто, стоявший у моего сарая. Улыная теть, тебе не надоели мои криптограммы?

Тем временем я отдишал телом, душой и более, чем не-желез; без боли, без отдыха я отдишал и этим весьма был доволен. Только иногда меня мучила жажда иметь тысячу миллиардов залета. Блудование. Тетенку взять за титешку. Что такое любовь? Это встреча, на века, на всегда, и быть может сегодня! Прелезвутный веснами ангелы просвещения посетили духовный концерт. Ветроброх освежил и ватно-воздуху память и гадко-памятный день. Не пойти ли вечером поутру к умеренно надней женщине? Между прочим, самец тугевого полкозряга улавливает запах полового аттрактанта самок на расстоянии в 12 километров. Не забыть кофе, себесть и загар калифорний-

оних девушек. Посмотрю свое развешенное личико и Агафалю. — Спасибо, дружок. — И разрешите к сказанному приобзвонить стакан чая с питательной щепкой. Специальное орудие вызвало тревогу молодой девушки, у которой серые лет в окне на горех свет моря забытого или любимого пашой неба в другом мире. Ну вот и похулиганил. А то — подавай им фебульность, стрейность композиций! Обзвонитесь без марципанов.

.....

Мне весьма наскучила пляжная жизнь, и я решил перебраться в степь. Захватив с собой вещицы: матрац /ком кух-лой ваты с песком/, спички, литр-другой огородного вина, хлеб и любимую клевицу с помидорами, самого себя и рой комаров напч племью, двинулся вглубь материка. Задора хватало ненадолго. Присел, плеснул в себя дивительный сок. С недо-зрением осмотрел дырки в земле. Вдруг это норки анаконды? Ну и что, что они не водятся в этих местах. Зато могут во-дниться здесь... водь где-то им надо водиться... Очнувшись от воображаемой картины: анаконда залививает рукави остатки моего тела в пасть /но я сопротивляюсь и т а м, лучше умереть на коленях у Ассоль, чем в очереди за туалетной бумагой/, стал собирать топливо. Топлава не было. Когда попы-тался разжечь и с т о ч и н и з, но и его не было, не бы-ло спичек /потерял/, не было тиники, кто-то все сворчал и щелкал тиник, не было солнца, ватниковые тучи закрыли его, не было верного друга, уюта, не было веревочки завязать расстро-панские волосы... Как и у всякого проходняка, бривки ног в променностях имели не шву спешечко, оно сделалось от пологого хождения и не напрасно оберегалось от ишки с вголкой. Ибо самая важная часть питательного аппарата, так сказать кор-нерница ног, там где на одной огромной нога — киста — выра-стает две... но вы меня поняли, ибо самая эта часть в сухости должна быть и в проветрии, иначе, при наличии опрели и чесу-хи, этот аппарат функции свои не сможет, веретак-кило-метра глотаться не будет, и придется встать колом или лечь-лягом. Дырочка была когда-то небольшой, сейчас же две бривки-ни держались только на ремне, и при наклоне виднелось не только ягодицы мои, но и суть всей теплокровной сути, нечто, часто склоняемое в матерной забубенности. Не отвлекся. И вот

сел я, и потянуло меня от всей этой загульной кати-поле кутжи в сон. С чистотой гомовой и с валими сирни телом проснувшись от тумана цветочных ароматов. Они для волнами, и приключилось насладиться степной влажностью, курна и наливалась флюдами растительных существ. Вот терпико-кофейный, женой ма-лини, мазута с корицей, вот александриновский банок, мадери, ко-зи с нафталином, ситени, винограда, миндала, соли, дерева, тела... Вдали проблестело. Вопа! Быстро туна; ворчливой походкой и бласку и ласку... Это было небольшое чистое озе-ре с песчаным дном. Я разделел и вошел. Пронел лесить, сто метров, озеро не желало углубляться. Побролив по мелководью, непрерывно завая, вернувшись к своим вещам... около них сто-яла молодая красивая; срам ее был прикрыт лишь прозрачной кружевной повязкой. Таинственным был ее облик.

- Немедленно с моего места, я здесь загорая с марта, - вынываяще молодая красавая. - А я с декабря... - Уходите, не то повову худуганой. - Сам из твоих. Что орешь, вынимора.

Я сел на подстилку матраца и стал читать влочок безымян-ной газеты: будут введены новые возможности... коллектив обя-заний переосмыслить... работать за себя и за товарища... есть - пятый александриновский... впечатляюще достигая... Но чтение прервалось легким сотрясением ногта. Молодая краси-вая ходила вокруг меня и пыталась нанести удар ногой. Я са-нял оборону с корягой в руке.

- Поданок, - кричала она. - Потаскуха, - было в ответ. - Запрещай! - Вообщай! - Выпотент! - Засекай! - Чтоб жить те-бе на пять копеек в день! /Все-таки съездила туфлей по ри-лу./ - Вандермай - Козак! - Снегурочка наоборот, сизовна, ширай! - Твои взяла, - устало сказала она - но ты все равно негодяй. - У меня и в паспорте это написано. Все же я усту-дил ей маленькое место и перенес скерб. Приказав не подгля-дывать, она обнижалась волос и заморла. Банкой я разрыхлил мелководье и создал бассейн. Пливи не беспорядки, кровь моя была наполовину со спиртом, и лишь кулики подхаживали к моей голени, торчащей из воды, застывали ядовитой и грушкой, ценно следили за зрачками и сатирической побелкой фабриката уда-лялись выискивать прыщи. В теплой постели песка задремал...

Проснувшись от легкого цокотания в носу. Молодая красавая склонилась надо мной: сильно хранишь. - Какже вы привередали! -

- Мужики в воду залезают пописать. - Это мое озеро. - А женщины, чтобы обновить кожу. - Я приведу завтра своих ширшие кораблей, они тебе покажут... - злобно пропел я. - Что покажут? Ну что? Что я не выведу?! - Не будем гадать. - Я пришла сюда на ... чтобы отдохнуть от болезни. Долго искала уютное место... но приходит болванщице и... - Предлагаю мир и дружбу, вы хоть и злыба, но душка, - сказал я ласково, и глаза мои затуманились.

Она ушла. Через несколько минут донеслось с берега: знаем мы вашу дружбу, вам бы подергаться, а мы потом ходим на скобляку, - в голосе чувствовалась уже не злоба, а прищипленность. Осведомленность о темных сторонах жизни удивила, и я, как бы в ответ, процитировала классика: в этой жизни умереть не ново в старомодном лихим звуке. - Не трогай святое, - донеслось ко мне. После паузы я, тщательно артикулируя, обратилась скорее не к ней, а к небу: вы любили когда-нибудь? Спустя молчание ко мне полетели выстрелы, цикады, гром, гудок парохода, плач.

Следующий день прошел гладко, если не считать эпизода, когда мы столкнулись за бугорком, ушел тула круг от друга по надобности. Она читала, я же брылся, стирал вещи, набивал тубы травой, резал из кожи лоскулы овцы ремешки для часов, скоро "толчек".

Не зная, почему она прекратила свои войны и не стеснялась меня? Она или вооружена или за ней кто-то стоит. Вполне возможно, что моя персона была для нее не более, чем тень пнявки. А быть может, был мой истощанный, костлявый, облик существа, которое падает от инсульта в риночной или от голода на живописной тропе Брест-Магадан, этот облик не мог бесцеремненно воблем-то сильное тело и тушу женщины, смакующей одиночество и насыщенной токми тенда и снотости. Она не разговаривала со мной, и лишь однажды попросила вытаскать занозу, но поблагодарив.

В воскресенье я удачно продал ремешки и напосоле вернулся в стень. Наповая песенку о том, как моряк повстречал красавицу Либку, как они миловались, как цвела акация и чем все это кончилось, подарил своей соседке по стени пнявки билет. - Как бизнес? - приветливо поинтересовалась она. - Лично - это поле, перейти горазд кто соли луд, карась в

пруду, а ты на берегу, как говорится. Хотите сока, лимона, морсет, водочки? — Водочки! У меня и килька есть, подсаживайтесь. Да снимите своей плащ. — За наименьшем костюмомшу что валется.

Раскинули сток. Залпом вынул прохладную и, зачмокав, вынул по второму. — Ты славный парень, — она хлопнула меня по плечу, — я думала лезть будешь как кругом — чуть увидят кирзон и брйлами захлопает. — Не-э, я спонский.

Зашьянов, она стала грустной. — Вам хорошо, мужиканто. Гуляй не хочу. За мужика и в пятьдесят пойдет красавица, а что бабье? поинкаешься до тридцати, тот глух, тот волосат, тот вообще скот, и выскочить за первого кобеля, годки-то горит. Да и баба без ребеночка не баба, а просто метла с ши ешьками. Путре приказывает, но исполнишь — в пенкушку попадаешь, ибо против живота — страшно. И вот придешь с мальсенъкин, и начнется врачка, осачка. И постирать, и все-все, да еще и муж в окно на баб поглядывает, а я как пустой бидон хону, мне нельзя его опростать. И тут еще болезни: не так села, не так сходила, или денедок переела. И все на животе болю, на органах. Придешь к врачу, а он, волосатый гремел, руками аж до горла возьмет и скажет: функциональное расстройство. Под зад шлет: сле-саля. В кабинете накурено, практиканты на матросов, скрывают, широчка узкая... В леги ребеночка через весь город волокешь. Он не спит и сама не спала. Муж говорит, на собраниях задерживается, на пиджаке чужой волос прилип, спонскойно ночью. Знаю, в другой ключе навестрелся. Страссь его портки и вспоминаешь годки вино, как мать берегла от разных хафе... как бати бледной, когда заазадывала на школы... И как все трысует... над чем?... над счастьем постирать портки легального хакала.

А достал третью пол-литру. Гулять так гулять; да и погода славная, разговор антейский. Треснули еще по рывахе, и тут я разговорился: правили баби валоваться, все на кухне и рядом спикивают. А нам каково? Вицеют, как из бутылки, все силу и оставят мертвяка нить пиво. Возьтос сами с детьми, хорошо им... у них вроде и своя семья — баба и дети, а мужик пусть ханави конает, шпалы таскает, в казуте купается, и все надо волочь в дом, от конейки до рваной га-

лонии - пригодится в хозяйстве. И живет он как постоялец случайный. Похлопает берло на кухне у покойного Петра, скажет "спасибо" и скорее на работу, только бы от чада, вони, зноби. После чака в сарай гнилуку лаять, валывать проклятый вопрос - зачем все это? и где ж спиртама такая хитрая итуковина с спирочной "счастье"? Если сердца уже ослабло от стакана, то бегут на рыбалку. Видели когда-нибудь мужика на рыбалке? Особенно зимой! Сидит он над замерзшей лункой и тягостно о чем-то думает, вскрикает. Рыба не ловится, да и на что она ему...

Всегда ты был для кого-то: сначала для мамы, потом для школы, для заводного, для успеха производства, для репутации коллектива, для кони, для детей... и - конечная обязанность - для корита с формалином: на пятке номер, в явоте стелловата, слышится далекий плач, кто-то пришел за тобой, подценник за ухо крайком, подтецник и борту корита. Сказка о любви окончана, следующий черед твой, ушная тетя.

.....

Вы, тетя, заметили, что стиль моего письма разноткан-ный, то под дурачка, то под неизвестно кого. Как хочу, тетя, так и вроню. Где с матом, а где со слезой лирика. Но продолжу свою повесть. Сегодня ушла из жизни моя старая зубная щетка. Выпали последние щетинки. Долго искал этот нахитрый прибор, весь город обыскал. Напрасно. Правда собрал два мешка бутылки. Но что такое деньги по сравнению с гигиеной! Возвращаясь, присел поковырять оскины: сладостна с льялки. Вдруг, - славное слово "вдруг", спасительная соломинка для посредственного писателя, если писатель может быть хоть посредственным, "вдруг он осознал", "вдруг он уяснил" и дальше ключевой момент фабулы, ее, так сказать, прагматический зенит или, что еще удивительней - откровение автора, его, так сказать, знаменное время, с которым он мечтал разразиться с самого начала и жизни и романа, писанного, так сказать, если есть что сказать, а это не всегда обязательно, мой самый друг, прикипывающий в голову, когда же я кончу валить дурака и играть в замшеловатые фанги-мигли со словом "вдруг", означенным нежданно-негаданно предсободежно наискучнойнейшей мысли - связью череп обычного и обрилого постоянства и слова, и спе-

та, и воск, кто ищет не вдруг так спазать на плетень,
- вдруг я услышал знакомый голос. За кустами сивера стояла
роскошная визина красного цвета. В ней сидела... моя сосед-
ка по пляжу в степи, а рядом полуголые отменные ребята.
Одни что-то мотал в рации, другой смазывал карабин. Они
назвали мою знакомую Лисей и обращались к ней как к стар-
шему по званию. Я поинтересовался поближе и подслу-
шать, но машина вдруг взревела, развернулась и, подним под
себя деревца и кусты, выехала прямо на меня. Цепкие руки
спортсменов схватили меня, затолкали в рот тряпку и... удар
по голове я вспомнил лишь на третий сутня. Очнулся в номе-
ре богатой гостиницы. Рядом посиживала Агафавия, у окна в
начале дремал с газетой мой шеф. Он сразу проснулся, как
только я сделал первое и последующее движения. А они, по-
нявши дело, были направлены к бутылке.

- Я поднял на ноги весь отдел, чтобы вернуть вас в де-
лу, - сказал шеф. - Все хорошо, но последнее время вы веде-
те себя дерзко, уклоняетесь от задания, пишете какую-то че-
пуху... Да, коллега, все хорошо, но повесть не закончена.
Как вы собираетесь завершить возбужденный сюжет... как там
его... Нашей, Геней звать? На заседании отдела мы решили,
что главный герой погибает под колесами поезда! - Это уже
было, не характерный поступок для такого жизнелюба. Мой ге-
рой - самое торжество жизни, не всегда сахарной, конечно.
Я хочу закончить повесть антимистической песней... - Не на-
до. Он умрет - если не под колесами, то от землетрясения,
от укуса змеи, от полиомиелита. - Это правдиво, я протестую.
- Ну хорошо, сделайте две концовки. Одну с колесами, вто-
рую... как хотите. Вы только что упомянули выражение "кре-
до писателя", пора и вам, коллега, высказать его. Читатель
ждет. Вот, посмотрите сейчас газеты.

Я отклебнул вина и несладка стал просматривать толстые
воскресные издания. Рецензии под заголовками "До каких пор?"
, "Терпенье имеет концы", "Прески задати" были напечата-
ны на уже /11/ вынужденные главы повести "Встречи с Артеми-
дой". Там и яли нестрели причины и оплетки: "ледонек чело-
веческого рода", "наверт из банди пресловутки интеллекту-
лов", "прихвостень", "нигмой, сила которого приравнивается

и силе ничтожной козявки", "лакей, использующий псевдоли-
тературные приемы для параконеческой проповеди", "подпена-
ла на банды убийц и шпионов", "авантюрист из карьеристской
псевдотворческой элиты", "пора сорвать с него маску реакци-
онного выскочки со смехотворной теорией канитулянтства",
"отпетый двурунник", "мошеники, погрязший в камеласонстве",
"атаман правых канитулянтов с присущей псевдофилософией по-
терпит крах под матюком всеобщей идеи Великого Добра";
особенно мне запомнились слова: "нам стоит только пальцем
позевнуть, и от него не останется и следа..."

Я растерянно спросил: это что, личи? Шеф весело обра-
зил: выявление оппозиции. Не забывайте, что вы — под крылом
Буре, и повесть — это веселый выклад в мане /он в волнении
привстал/ деле, которое... Я это перебил: дело, дело, а у
меня, между прочим, кончилась денга... — Коллега, вы и так
перерасходовали положенное. Могу помочь из своих сбережений,
если... вы... э... научите меня писать рассказы... — Зачем
вам эта наука, эксцелент? — Зачем, зачем... я ведь не чужд
простою, человеческого; представляйте, приеду в гости к, меж-
ду прочим, баб на стол новый роман или пьеску, или отпечети-
ваю нечто такое умное, этакое наподобие: влечение к женщине
имеет истоки в отчаянии, а это есть всегда повод милосердия..
Или — восторги любви! страшный аванс за агонию... — Не будем
сдержанны, — деликатно перебил я шефа, — сдержанность — при-
знак мужества.

Но шеф не замечая меня: О! когда же кончится моя смерть,
и я снова стану свободным... Если бы повернуть время к себе-
лате из барака манекенов идей...

Мани прошил пет от последней цитаты: — Не плохо, не пло-
хо, но в последней тираде вы перегнули. А вообще-то вы имете
склонность к слову... — Вот, вот, видите — пишу, а высказаться
на бумаге... как написать про полет птицы, как описать пове-
ление трав на раздельном лугу... — Начнем первый урок хоть
сейчас! — Bravo, подполковник, я исчаждущий о вашем понимании
— И, эх, урок номер раз. Возьмем тему труда... — Лучше о первой
любви! — Хорошо. Только это коварная тема. Берем лист бумаги,
перо и начинаем... — Да, начинаем. С чего начинаем? — Ну, ес-
тественно с пейзажа, с чувства одиночества, герой идет по болу

тому герою и видит счастливые любящие лица, пошел дождь. — Дождь и ушел... а! какой и наблюдательный. Дождь пошел и ушел. Но герой не замечает перемены погоды. Это что-то давит, он всхлипывает зарывается. — Сначала давит, а потом рыдает — чепуха. Надо обратить внимание на его внутренний мир. Что чувствительность его рождена усердными чтениями ларических стихов и самой природой вности... — Но мы не пишем. Надо заполнить лист. Давайте без города и пейзажей. А прямо с дела: — Дело хозяйское. Начнем с дела. Он помог старичку перейти.. — Нет. Он поцеловал ее, и она вспорхнула всем телом... ээ... ида, и он снова поцеловал ее в уста, и любящая эти также вносеская... — Банбка. — ...пробудили в ней константиный корень... и она сказала слово поцелуй: а до гробовой доски ваша, мой принц... и дальше они всю ночь любили друг друга и дальше миллион ночей и так далее до последнего вздоха... — На первый раз неплохо, хотя и прятно. — Братство — сестра таланта, — любил в зеркало, щелкнул замурованными пальцами эскелене. — Получится из меня писатель, а, полковник?

— Так точно, мой эскелене! Давайте доведем итоги и внесем коррекцию в текст. Что значит: пробудить константиный корень? Я понимаю, о чем идет речь, но упрямый читатель будет искать секрет столь смелой ассоциации в ботанических фолклорных. Слишком резок переход от поцелуй к танатологическому тону... Миллион ночей — не научной фантастикой. Не подана обстановка, но обрисован портрет. Не описан золотистый давиток волос над белоснежными... — ...челом, которое в наши дни найти редко, но можно, так как жива еще в душе нашего героя искра вечного поиска, тяжелой охоты за счастьем... — ...которое может пройти мимо нас... Стоп, это уже куплет. — Ух, я даже вспотел. Однако, это действительно труд... — Без интонации и паузы неф вдруг проливное: — На вас готовится покушение... это действительно трудное дело — писать талантливо... завтра не приходите в Баро, они убьют вашего двоюродника.

Этой же ночью, сопровождаемый двумя телохранителями, я бежал на подводной лодке; бежал, чтобы закончить свое письмо. Через месяц подводник митарства, облысевший и заледеневший, я был вынужден встать на пустой горноде в берегу Нового Света. Первый день на достославной земле... /Спасаясь от погони и спасая

повесть в перестрелке с мафией, я потерял главы, повествуя-
щие о моих впечатлениях на американской земле, о моих выступ-
лениях по телевидению, о съемках фильма "Крепкий парень" по
мотивам повести "Встречи с Артемидой", о моих речах в здании
шефа, о моих темнокожих друзьях, которые зыловали меня с
торнадо /она теперь находится в литературном музее/, о
встрече с Агафией и о том, как неизвестные похитили меня
и доставили прямо в кабинет экзекюшена./

Меня привязали к стулу в абсолютно темной комнате и
на протяжении примерно десяти-двенадцати суток громким го-
лосом задавали вопрос /фонограмма/: "где спрятана настоящая
повесть?" После вопроса возникла прожектор в глаза, пауза
и снова вопрос. На мою просьбу позвать шефа ответили, что
он оказался изменником и по собственной просьбе был подвер-
гнут "дезертизации". Сейчас все в Бюро заправляет бухгал-
тер из отдела снабжения. За время моего отсутствия была про-
ведена чистка рядов и операция по уничтожению повести. Но
этого мало. В Бюро считали, что я обвел их вокруг пальца -
/странное выражение/ и подделал фактивную повесть, давни-
давно напечатанную давно умершим автором, а свою, настоящую,
спрятал. Мне также предъявили стандартное обвинение в психо-
логической диверсии и доказали, что судить меня будет народ.
Но до суда я был подвергнут, как было сказано "в собствен-
ных интересах" половой дезертизации. Здесь время вспомнить
слова шефа /прогуливался по саду/: крепкой основой социаль-
ного спокойствия является эндокринная стабильность, которая
возможна только при отсутствии ощущения половой значимости,
при полном уничтожении в индивидуальности ответственности за продол-
жение рода... Здесь кроется разгадка странного существа, маг-
но говоря, не того пола, и ответ на вопрос: чем же все-таки
занималась Бюро. Много позже я узнал, зачем им понадобилась
настоящая повесть. Первое - доказать с ее помощью вред ли-
тературы и заставить население сдать спрятанные книги, чтобы
эндокринная стабильность могла быть проложена лунными спо-
койствием. Второе - на реальном материале повести до совер-
шения "Инструкция ЗБ" /руководство по уничтожению психоген-
ного дождя под названием Литература/. Третье - выявить
последнего /во всех смыслах/ литератора и устроить показ-
ательную казнь. А пока меня посадили в кабинет, приковали к

стене за окнами и приказали закончить "стрижку" в два дня. Но два дня я только и делал, что спал.

С меня сняли ошейник и проводили в бетонный особняк, увешенный афоризмами: "Не виновен сегодня, виновен завтра", "Страх — корень справедливости" и совсем лирическое: "Чаша снаха заменит литр молока, кластеры мяса и три кино Фрунгов" ... Подвели к стеклянной двери. Яркий свет освещал комнату, посреди которой была песочница с никелированным мухомором. В песочнице дебрились пять-шесть комаров. Одна из них, увидев меня, по-детски вслепнула руками и бросилась в зевки. Прильнув к толстому стеклу, она /оно/, съездив лоб, вгляделась в меня и качала головой. Одеты были несколько непонятно: военные сапоги и фуражка, белое платье, невзрачные бусы ... Что-то близкое /я чувствовал, что именно/ было в прильнувшем об стекло лице. Милые глаза бежали беспокойно и все сильнее вливались в меня...

Комментарии показались: твой шеф! Человек за стеклом стал пентать, и я уезжал: я маленькая несчастная планетка, самая маленькая в плохая планетка Земля, большая мокрая планетка, любите меня, я несчастная и забытая... Человек, бывший когда-то шефом, отбросил голову назад, в горле его заснежило, фуражка спала. Он продолжил: несчастная, да, покинутая, нет... вижу, вновь вижу, вот, вот, сейчас начнется, сожму, чувствую... наконец-то. Ближе, ближе. Я перестал задыхаться вместе со снегом. Несо мной, естественно, ветром. Черный свет со мной тоже, естественно, и последнее что. Придти ко всему безвозвратно, без лая и без плена. Ко всему, что сверкало когда-то и было ко этого. Момент придет назад, все равно слов без слов существует. Без слов существует, я знал и это, что слово утопит конечное слово, конечное но. Вдруг глаз обручилось не с кровью, а в ней постоянно. Ты, он, я это знаем. И помни когда-то, но опять постоянно прекрасное но на рассвете заката белков, так прекрасно отпечетк не словом, а мисю, заветное. Без заветных. Сколько слов существует в заветном пространстве? Сколько было и сколько-прибудет впоследствии нагом или обром, на колесах во сне, через боль, через укус, сквозь жизни в могиле бессмертно, и это так славно, так много ушло; я не знаю и даук.

Нет, знаю их, но тебе не скажу. Зреют силно перо по бумаге из прера ласов. Дес шумел, как гласило предаше, шумит. В безмятежье пространства я снова шагаю красиво, но без ног, и без слов, и без рук. Я шагаю подалеже от воплей растительной жизни без слов и без дела, но с хлебом без тела в свете слова, постоянно теоримик, а кем, я не знаю; знаю, но не скажу. В свете тела надешия - прозрешия, богатство в дали богатые, там не умру. Не скончарсь в кровати, не буду кричать на атыке, и не буду замучен умной крисой с сафьян-вой книгой в руке. Я так был. И за что, за какие ошибки я туда через вечность земли, через млечность груди, через корчи веселой любви и сквозь грязь зуботычки кровавых, сквозь окоши счастья я туда не пойду. Нет, пойду, и прощу милосердно, безголово прошу, все берите, не надо, не нужно. Но учитель оставил надежду, с которой.

Существо сделало в молчании несколько кругов вокруг не-сочиници. В ней не-презному увлеченно козались исправленные. Вышнй шеф, видимо, не забил мои уроки сочинительства... Вот в горле снова началась влохотаниа, он закрыл глаза: снова свет приближается с тьмою коварной, их я не знаю, но знал, и у них будет битва во чреве незнамого глаза. Отнуети мена, слово махило. Но я продолжаю, ибо слово не мизю роклясь, пяталось не миею, а миею написано было много слов всех чу-ник, кроме двух. Несен дряблнх октави, всплески рук проци-ленник работю лиц, их я не знаю, пусть они сами пальне с газетю мухлой плут, и дойдут, и они это знают... Здравет-вуй, гадна из тека! Здраветвуй, из крови вода, но сиюеюно колодное тело, оно полетело, и что-то знакомое оно вдруг нацоннимо мне. То был я; нет, до оно не летает, летает по яви, летает над и летает не-над. Необъятним чудесником око-ва слово прольется, и преснется глагол и взорвется. Нет, фантази наде кончат... Завтра я приглашавсь на бойни. Кри-си умно что Учителя вечного и бесконечного. Звери гнусные, слов поганих не хватает для вас! Я уже приглашен. Вот и зав-тра. Уинное утро. Чурка на поле, я привязан к земле. Рядом кто-то еще и так ряд бесконечен. Но крис бесконечное ряд, и все они с умной книгой, со ипагой, с лонатой, с пером и с очками, в перчатках и в кони, в шляпках, палках, в кирсе

и в лантах, в поволоке, в крике, в счастье, в горечи встрече с тобой, мучитель; нет, не горечь, но радость, и коротко будет смеяться крысиная еда. Чуть короче меня, я смеюсь не по праву, я смеюсь по нужде...

Вдруг изо рта говорившего выросла стрела, тонкая, стрела впиалась в мозг. Хвост дрожал, переживая восторг полета. Руки говорившего крепко сжались на груди, зрачки расширились, кровь широко оросила белое платье, и бывший пофсе словом "каменная планета" рухнул на песочные камешки, а мне повали дальше, до конца, без начала, без света...

